

Как ты смеешь

Автор:

[Меган Эббот](#)

Как ты смеешь

Меган Эббот

#YoungThriller

«Нет никого опаснее скучающих девочек-подростков», – сказала тренер когда-то давно, когда ветер кружил сухие листья у наших ног.

Бет и Эдди – лучшие подруги и королевы школьной команды поддержки, царствующие в своем маленьком закрытом мире.

Но все меняется, когда приходит новый тренер.

Красивая, сильная, идеальная, она быстро завоевывает авторитет и меняет весь привычный уклад, внося раздор в крепкую дружбу и проверяя девочек на прочность.

Неожиданное убийство и полицейское расследование затрагивают как нового тренера, так и команду поддержки.

Спортивный сезон, как и следствие по делу, близятся к завершению.

Кто окажется под подозрением?

И смогут ли девочки сохранить дружбу, когда узнают правду?

Меган Эббот

Как ты смеешь

Посвящается моим родителям,

которые научили меня быть амбициозной

Настигло выскочку проклятье ада.

Последний сердца стук, и взор поник,

И капитан на землю тихо падал,

И закружили коршуны над ним.

Джон Кроу Рэнсом

Пролог

- Что-то случилось, Эдди. Тебе лучше приехать.

Воздух тяжелый, туманный, густой. Уже почти два часа ночи; я на верхней ступени, жму на серебристую кнопку: 27-Г.

- Скорее, прошу.

Жужжит домофон, дверь щелкает и открывается, я внутри.

Иду по коридору, домофон продолжает жужжать, дребезжат стеклянные стены.

И я вспоминаю, как в начальной школе нас однажды собрали по учебной тревоге: тренировка на случай торнадо. Мы с Бет бок о бок сидели в подвале, и мое колено, обтянутое джинсами, касалось ее коленки. Слышны были лишь наши вдохи и выдохи. Это было до того, как мы поверили – нам ничто не может навредить. Уж точно не торнадо.

– Не могу смотреть. Прошу, не заставляй меня смотреть.

В лифте, по пути вверх, у меня начинают дрожать ноги. Вспыхивают номера этажей: 1—2—3—4.

В квартире темно – единственная напольная лампа в дальнем углу отбрасывает круг галогенового света.

– Сними обувь, – еле слышно говорит она. Тонкие руки безвольно повисли.

Мы стоим в прихожей; ближайшая дверь ведет в столовую, где лужицей пролитых чернил блестит лакированный стол.

Дальше – гостиная с кожаными диванами; кажется, что армада черной мебели угрожающе надвигается на меня.

Она бледна, волосы намокли. Стоит и вертит головой по сторонам, отводит взгляд, словно не хочет, чтобы я смотрела ей в глаза.

Я и сама не хочу смотреть.

– Кое-что произошло, Эдди. Что-то плохое.

– Что там? – наконец спрашиваю я, не в силах оторвать взгляд от дивана: мне кажется, что он живой, что его черная кожа сейчас лопнет и раскроется, как надкрылья у насекомого.

– Что там? – спрашиваю я, повысив голос. – Там, за диваном, что-то есть?

Она не смотрит на меня, и я понимаю: есть.

Сначала мой взгляд падает на пол, и я вижу блестящую прядь волос, словно вплетенную в ворс ковра.

Потом делаю шаг и вижу остальное.

- Эдди, - шепчет она, - Эдди... все, как я думала?

Глава 1

Четыре месяца назад

После матча нужно стоять под душем не меньше получаса, чтобы смыть весь лак. Отодрать блестки. Выудить все впившиеся в голову невидимки.

Бывает, стоишь под горячими струями долго-долго и смотришь на себя. Пересчитываешь синяки. Трогаешь ссадины. Наблюдаешь, как вода вперемешку с блестками закручивается водоворотом и уходит в слив. Чувствуешь себя русалкой, сбрасывающей рыбью чешую.

А на самом деле просто хочешь, чтобы сердце не колотилось так быстро.

Думаешь: это мое тело, и сколько всего оно умеет! Я могу заставить его вертеться колесом, кувыркаться, летать.

А потом встаешь перед запотевшим зеркалом - уже без малиновых прядей в волосах, без накладных ресниц с блестками. И видишь, что это просто ты - ты, не похожая ни на кого другого.

Незнакомая ты.

Поначалу чирлидинг был для меня способом заполнить бесконечно тянущиеся дни - каждый из этих долгих дней.

Когда тебе четырнадцать, пятнадцать, семнадцать, нужно что-то делать, чтобы убить все это время, это бесконечное зудящее ожидание, когда каждый час, каждый день ждешь чего-то – чего угодно – лишь бы это поскорее случилось.

«Нет никого опаснее скучающих девочек-подростков», – сказала тренер когда-то давно, осенним днем, когда ветер кружил сухие листья у наших ног.

Но она сказала это не как мама, или училка, или директор, или, чего хуже, школьный психолог. Она знала, каково это. Она все понимала.

Все стереотипы о распущенных чирлидершах, резвящихся в раздевалках и прикрывающих помпонами упругие голые груди, все эти бесконечные фантазии и непристойные мальчишеские грезы – все это в некотором роде правда.

В раздевалке действительно шумно и влажно, но девичьи тела в синяках и ссадинах; ноги болят от прыжков, локти разодраны в кровь – зрелище не для слабонервных.

Но это и прекрасно: в тесном, душном пространстве ничто нам не угрожает.

Чем больше я занималась, тем сильнее втягивалась. Благодаря команде поддержки все обрело смысл. У моей беспозвоночной жизни появился хребет, на нем выросли ребра, ключицы; я стала высоко держать голову.

Все благодаря тренеру. Без нее ничего и никогда бы не получилось.

Она открыла нам все тайные чудеса жизни – реальной жизни, той, которую я прежде видела лишь мельком, краем глаза. Умела ли я чувствовать раньше, до того, как она показала мне, что это значит? Орудую стиснутыми кулаками и вырываясь из оков своего тесного мира, она научила меня жить.

Я хотела сохранить то, что имела. Так можно ли винить меня в этом? В том, что я боролась до самого конца?

Не надо говорить, что это было зря.

Взгляните на меня – Эдди Хэнлон, шестнадцать лет, длинные волосы цвета карамели, кожа упругая, как резиновый мяч. Я в спортивном зале, рядом – моя лучшая подруга Бет; губы-вишенки растянуты в улыбке, ноги намазаны автозагаром, хвостики подпрыгивают в такт.

Взгляните, как часто я моргаю, словно окружающий мир слепит мне глаза.

Я никогда не была одной из тех, кто носит на лице маску вечного недовольства, непрерывно жуёт резинку, закатывает глаза и протяжно вздыхает. Не была я такой. Но я знала таких девчонок. И когда появилась она, все их маски тотчас потрескались и облезли, как шелушащаяся кожа.

Под маской мы все одинаковые, правда? Хотим чего-то, а чего – не знаем. Не можем даже сформулировать, что нам на самом деле нужно. Но это чувство снедает нас; оно как игла в сердце.

Взгляните на меня – вот я в раздевалке перед матчем.

Сдуваю пыль с ослепительно-белых теннисных туфель. Я сама их отбеливаю, надев резиновые перчатки и заткнув нос: они так пахнут хлоркой, что кружится голова. Обожаю эти туфли. В них я чувствую себя сильной. Я купила их в тот день, когда была принята в команду.

Глава 2

Футбольный сезон

Ее первый день. Мы, склонив головы набок, внимательно ее рассматриваем. Кое-кто, возможно, даже я, стоит, скрестив руки на груди.

Новый тренер.

Сколько всего в ней нужно принять во внимание, узнать, оценить и взвесить. А наше неодобрение часто перевешивает. Рост не выше ста шестидесяти; стопы развернуты внутрь, как у балерины; тело крепкое, как туго натянутый барабан; загорелые ключицы вздымаются; высокий лоб.

Волосы подстрижены безупречно ровно – если присмотреться, можно увидеть даже след от ножниц (Неужели подстриглась сегодня утром, перед школой? Наверное, очень хотела произвести впечатление.) А как высоко она держит подбородок! И использует его как указку – поворачивает влево и вправо, смотрит на нас. А главное – как она поразительно красива: красотой чистой, звенящей, как колокольчик. Этот звон почти оглушает нас. Но мы не позволим ему сбить себя с ног.

Мы стоим, развалившись, сутулясь; в карманах и в руках чирикают телефоны – сколько ей может быть лет? Глянь-ка на свисток, это что еще за новости? Сообщения летают туда-сюда; мобильники вибрируют. Мы изредка бросаем на нее равнодушные взгляды – головы опущены: телефоны важнее.

Как ей, должно быть, нелегко сейчас.

Но она стоит с прямой спиной, как сержант на плацу, и выдерживает самые дерзкие взгляды.

Оглядывая наш расхлябанный строй, она оценивает нас. Оценивает каждую. Чувствую, как ее глаза впиваются в меня и разбирают по частям: кривоватые ноги; выбившиеся из прически волосы, прилипшие к шее; плохо сидящий лифчик; то, как я верчусь и дергаюсь, и не могу стоять спокойно, как мне на самом деле хотелось бы. Так, как стоит она.

– Рыбина б ее целиком проглотила, – бормочет Бет. – Рыбина бы двоих таких проглотила.

Рыбиной мы прозвали нашу бывшую тренершу, мисс Темплтон. Ей было далеко за сорок: крепкое, массивное тело вальяжной тюленихи, круглое и гладкое; золотые сережки-гвоздики, рубашка-поло с мягким воротником, неказистые кроссовки на толстой подошве. Она не расставалась со своим потрепанным блокнотом на спирали, где мелким почерком были расписаны все упражнения. Блокнот служил ей верой и правдой с тех пор, когда чирлидерши только и

умели, что махать помпонами да вскидывать ноги, как в канкане. И кричать «сис-бум-ба»[1 - Чирлидерская кричалка, имитирующая свист, взрыв хлопушки и последующее ликование толпы.].

Рыбина сжимала свисток безвольными губами и большую часть рабочего дня проводила за столом, раскладывая пасьянс. Сквозь жалюзи на окне ее кабинета мы видели, как она переворачивала карты. Мне было почти жаль ее.

Рыбина давно на все забила. Ей было все равно, что каждый новый класс все развязнее, наглее, языкастее, высокомернее предыдущего.

Мы, девчонки, ею помыкали. Особенно Бет. Наш капитан Бет Кэссиди.

С девяти лет, еще с младшей чирлидерской группы, я числилась при ней преданным лейтенантом. Ее правой рукой, верным Ахатом[2 - В «Энеиде» – верный друг Энея, сопровождавший героя во всех приключениях.]. Она меня так и называла. Все поклонялись Бет, а, следовательно, и мне.

А Бет делала все, что ей заблагорассудится.

Никакой тренер нам был, по сути, не нужен.

А теперь эта. Эта.

Рыбина ни с того ни с сего укатила в болота Флориды – помогать внучке-малолетке ухаживать за неожиданно возникшим младенцем. А к нам приставили эту.

Новенькую.

Свисток покачивается в ее руке, как защитный амулет. С этой придется считаться.

Одного взгляда на нее достаточно, чтобы это понять.

– Здравствуйте, – произносит она тихо, но твердо. Повышать голос нет смысла. Все поворачиваются и прислушиваются. – Я – тренер Френч.

«А вы мои сучки», – вспыхивает спрятанный в моей ладони экран телефона. Бет.

– Вижу, нам есть над чем поработать, – продолжает она, сверля меня взглядом, мой телефон для нее – центр мишени, яблочко. Он жужжит в моей ладони, но я не смотрю на него.

Перед ней стоит пластиковый ящик с инвентарем. Она поднимает изящную ножку и одним пинком переворачивает его; хоккейные мячи гулко скачут по полу.

– Сюда, – велит она, подталкивая ящик ближе к нам.

Мы смотрим на ящик.

– Вряд ли мы все туда поместимся, – бросает Бет.

Тренер поворачивается к ней; лицо абсолютно ничего не выражает. Оно непроницаемо, как баскетбольный щит за ее спиной.

Мгновение затягивается. Бет с треском захлопывает серебристую крышку телефона.

Тренер даже не моргает.

Телефоны летят в ящик. Рири, Эмили, Бринни Кокс, все остальные, одна за другой бросают яркие игрушки в ящик. Бет сдается последней. Клик, клак, бряц; на смену какофонии колокольчиков, птичьих трелей, диско-ритмов наконец приходит тишина.

Надо видеть выражение лица Бет после тренировки. Уже тогда я понимаю, как ей будет нелегко.

– Колетт Френч, – фыркает она. – Имечко прямо как у порнозвезды.

– Мне про нее рассказывали, – встревает Эмили. Она еще не отдышалась после заключительной серии упражнений. У всей команды трясутся ноги. – Под ее

руководством группа из Фол-Вуд попала в полуфинал соревнований штата.

- Полуфинал. Гребаный полуфинал. Да на фиг он мне, - цедит Бет.

Эмили сникает.

Никто из нас не занимается в группе поддержки ради славы, призов и соревнований. Никто из нас на самом деле не знает, зачем мы вообще это делаем. Мы лишь знаем, что эти тренировки - стена, отгораживающая нас от тягостного ада школьных будней. Форменные куртки, короткие юбки в день матча - они как доспехи. Кто может нам навредить? Никто.

Мне вот что интересно.

Новый тренер. Сумела ли она, изучая нас в ту первую неделю, разглядеть что-то за блестящими волосами и загорелыми ногами, перламутровыми тенями и напускной дерзостью? Увидела ли то, что скрывается внутри - наши несчастья, то, как мы ненавидим друг друга, и еще больше презираем всех остальных? И смогла ли под этим, промежуточным слоем, разглядеть другой, скрытый глубже, трепещущий и реальный - нашу истинную сущность, которая так и жаждала, чтобы кто-то взялся за нее, преобразил, придавал ей форму? Поняла ли она уже тогда, что может создать - продраться голыми руками сквозь наши глянцевые фасады, залезть в самое нутро и вылепить из нас великолепных юных гладиаторов?

Глава 3

Первая неделя

Все происходит не сразу. Никаких внезапных перемен.

Но, что удивительно, в ту первую неделю тренеру удается завладеть нашим вниманием. А это уже подвиг.

Мы разрешаем ей тренировать нас. Показываем все наши акробатические номера, звонко делаем клэпы[3 - Клэп – хлопок в ладоши, при котором руки располагаются под подбородком, ладони выпрямлены и полностью касаются друг друга.], стараемся четко выполнять перевороты.

Потом демонстрируем наш самый знаменитый трюк, тот, которым закончился прошлый баскетбольный сезон: каскад кувырков и сальто, той-тачи[4 - Той-тач – прыжок, при котором прямые ноги спортсмена поднимаются в стороны как можно выше, колени направлены вверх, руки разведены в стороны на уровне плеч.] и грандиозная завершающая фигура: мы держим Бет, она сидит на шпагате, раскинув руки.

Тренерша, кажется, даже не смотрит в нашу сторону: стоит, опираясь ногой на пульсирующий бумбокс.

А потом спрашивает, чего мы еще умеем.

– Но этот номер всем так понравился, – щебечет Бринни Кокс. – Нас даже попросили повторить его на выпускной!

«Заткнись, Бринни», – думаем мы в унисон.

В ту же неделю мы понимаем, что тренер тверже и сметливее, чем мы ожидали. Она стоит перед нами, ее фигурка кажется легкой, но несгибаемой.

Мы не можем выбить ее из колеи, и мы удивлены.

Мы же кого угодно из колеи выбьем – не только Рыбину, но и учителей на замену, этих наивных дурачков; математиков в припорошенных перхотью пиджаках, школьных психологов с сухой пергаментной кожей. Сколько их было, несчастных – всех и не упомнишь.

Скажем прямо: мы – единственное, что есть живого в этой могиле с подвесными потолками и стеклянными стенами. Мы – единственное, что здесь движется, дышит, бьется.

И мы это знаем. И все остальные, глядя на нас, знают, что мы знаем.

«Вы только посмотрите на них», – вот что говорят о нас. В день матча мы рыщем по коридорам, как стая: колышем юбками, взмахиваем хвостами.

Кем они себя возомнили?

Но мы-то знаем, кем себя возомнили.

А тренерша, похоже, знает, кем возомнила себя. Ее невозмутимость и уверенность – как удар хлыста. Ее не тревожат наши выходки. Ей просто скучно на них смотреть. А мы понимаем, что такое скука.

Она не напрашивается и не заискивает, не пытается нас очаровать и – может быть, именно поэтому – ей так скоро удастся завоевать нас. Мы вовсе не кажемся ей скучными, мы просто не нашли, чем ее заинтересовать.

Пока не нашли.

На второй день она щиплет Эмили за складку жира на животе.

Большеглазая и грудастая Эмили лениво потягивается и широко зеваает. О, нам знакома эта ее привычка – она выводит из себя миссис Дитерли, а мистера Кэллахана заставляет краснеть и спешно закидывать ногу на ногу.

А тренер вдруг протягивает руку к полоске кожи под задравшейся майкой. Ухватив складку детского жирка, она крутит ее в пальцах. Сильно крутит. Так, что Эмили ойкает. Пищит, как резиновая игрушка.

– Убрать, – приказывает тренерша, поднимает голову и смотрит в изумленные глаза Эмили.

Убрать. И все.

«Убрать? Убрать?» – всхлипывает Эмили в раздевалке после тренировки. Бет закатывает глаза и в раздражении хрустит шейными позвонками.

– Ей же нельзя такое говорить, – воеет Эмили.

Эмили, чьи буфера и крутые бедра – отрада для глаз парней, что с отвисшей челюстью провожают ее взглядом, когда она идет по коридору, и лезут отовсюду, лишь бы посмотреть, как подпрыгивает ее юбочка.

Да и как же все то, чему нас учат постеры, социальная реклама, уроки «позитивного отношения к телу», лекции о том, как лопаются капилляры на лице и рвется пищевод у тех несчастных и внушаемых, кто, не в силах отказаться от пирожных, набивает желудок каждый вечер, зная, что потом можно просто сунуть два пальца в рот?

Из-за этого всего тренеру, конечно же, нельзя говорить ученицам – чувствительным к критике, неуверенным в себе и своем теле девочкам-подросткам – что нужно взять и убрать складочку детского жирка на талии. Или можно?

Оказывается, можно.

Тренеру можно все.

И вот после занятий Эмили склоняется над унитазом и умоляет меня пнуть ее в живот, чтобы выbleвать все, что еще не вышло. Меня мутит от запаха чипсов и теста. Эмили состоит из пончиков, сырного порошка и мармеладок.

И да, я пинаю ее.

Она бы сделала для меня то же самое.

В среду Бринни Кокс заявляет, что хочет уйти из команды.

– Не могу я так, – скулит она перед нами с Бет. – Слышали, как я ударилась головой о мат, когда выполняла спуск[5 - Спуск – сход спортсмена на пол.]? Мне

кажется, Минди нарочно меня сбросила. Базе[6 - База – спортсмен, обеспечивающий основную поддержку, удерживающий вес напрямую и находящийся в контакте с соревновательной поверхностью (полом).] это раз плюнуть! У нее тело словно резиновое. Мы не готовились к стантам[7 - Стант – групповое упражнение, в котором участвуют от 2 до 5 человек, в ходе которого одного или нескольких членов команды поднимают, подбрасывают или поддерживают.].!

– Именно поэтому мы готовимся к ним сейчас, – отвечаю я. Дай Бринни волю, и она бы только и делала, что махала помпонами, терлась попой о попу и звонко хлопала себя по ягодицам в перерыве между таймами, а может, и все оставшееся время.

Мы с Бет всегда загоняли Бринни больше других, потому что она нас бесила.

– Не нравятся мне ее лошадиные зубы и куриные ножки, – говорила Бет. – Глаза б мои ее не видели.

Как-то раз мы с Бет тренировали «двойной крючок»[8 - «Двойной крючок» (или «абстракт») – прыжок, при котором одна нога согнута в колене перед корпусом, другая согнута в колене и максимально отведена назад.] и громко, на весь зал, обсуждали сестрицу Бринни. Та была слаба на передок – ее застукали с помощником завхоза. Бринни разрыдалась и убежала в душевую.

– Ну не знаю, – шепелявит Бринни, – у меня голова раскалывается.

– Если лопнул кровеносный сосуд, – отвечает Бет, – может случиться внутричерепное кровоотечение.

– Мозг у тебя и так уже поврежден, – добавляю я, пристально глядя на нее. – Прости, но это так.

– А в данный момент кровь заполняет твою черепную коробку и сдавливает мозг, – продолжает Бет, – рано или поздно ты умрешь.

Бринни таращит глаза, они наливаются слезами, и я понимаю, что мы добились, чего хотели.

В пятницу тренер собирает специальное собрание.

Мы обмениваемся встревоженными сообщениями и перезваниваемся. Ходят слухи, что она хочет выгнать кого-то из команды; интересно, кого?

Но она просто объявляет:

– У вас больше не будет капитана.

Все смотрят на Бет.

Я знаю Бет со второго класса – с тех пор, как мы ночевали рядом в спальниках в летнем лагере для девочек; с тех пор, как побратались кровью. Я знаю Бет и могу понять, что кроется за каждым взмахом ее ресниц, за движениями ее пальцев. Есть вещи, которые она презирает – алгебру, пропуски на выход[9 - В некоторых школах ученикам дают специальные пропуски, удостоверяющие, что учащийся имеет право находиться вне класса во время урока (например, в коридоре).], свою мать, знаки «стоп». Это ледяное презрение – ее сила.

Однажды она окунула зубную щетку матери в унитаз; она называет отца «кротом», хотя никто не помнит, откуда взялось это прозвище; а еще она как-то раз назвала учительницу физкультуры «сухой», и когда та пожаловалась, никто не решился подтвердить, что все так и было.

Но есть кое-что, что о ней знают далеко не все.

Она любит ездить верхом, у нее есть тайная библиотека эротической литературы; ростом она от силы полтора метра, но таких сильных ног, как у нее, я больше ни у кого не видела.

А еще я знаю, что в восьмом классе... нет, летом после восьмого класса, на пьяной вечеринке, сложенные в неизменную капризную усмешку губки Бет ублажали Бена Траммела. Я видела. Бен лыбился, вцепившись ей в волосы, будто голыми руками поймал жирную форель. Позже об этом узнали все, но проболталась не я. В школе до сих пор об этом болтают. Я никогда не участвую в этих разговорах.

Я так и не узнала, зачем она это сделала или зачем делала потом, еще много раз. Я никогда ее не расспрашивала. У нас так не принято.

Мы не судим.

Главным и неизменным было то, что Бет всегда была нашим капитаном, моим капитаном: в подготовительной группе, в средней школе, на первом и втором курсах[10 - В американских школах другая система нумерации классов, в старшей школе она начинается заново, с первого курса. Отсюда первокурсники, второкурсники и так далее.] и, наконец, сейчас, в Большой Лиге.

Бет всегда была капитаном, а я – ее дерзким лейтенантом. С того самого дня, как мы вместе пришли в команду, а до этого три недели тренировались делать кувьрки у нее на заднем дворе.

Бет была прирожденным капитаном, и мы никогда не думали, что может быть по-другому.

Иногда мне кажется, что лишь ради этого Бет ходила в школу, общалась с нами, общалась с миром вообще.

– Не вижу необходимости в капитане. Вам это не слишком помогло, – чеканит тренер, бросая на Бет короткий взгляд. – Но все равно, спасибо за работу, Кэссиди.

Сдай значок и пистолет.

Все вдруг озаботились тем, надежно ли держатся в кроссовках антимозольные подушечки, а Рири прямо изогнулась вся, тарашится на Бет, чтобы видеть ее реакцию.

Но Бет не реагирует.

Ей как будто все равно.

Она не удосуживается даже зевнуть.

– А я думала, жди беды, – шепчет мне на ухо Эмили, приседая и подпрыгивая в раздевалке после тренировки. – Как в тот раз. Когда она рассердилась на парня, который заменял у нас математика, и поцарапала ему машину ключами.

Зная Бет, могу предположить, что ее истинную реакцию мы увидим не сразу.

– И как же мы теперь будем выступать? – недоумевает Эмили, тяжело дыша. Она делает выпады, приводя свое тело в нужную форму, убирая жирок. – Что это такое вообще – команда поддержки без капитана?

Скоро мы узнаем, что это такое. По сути, это означает, что нам больше не придется тратить время на болтовню о лимонадных диетах и о том, кто сделал аборт на летних каникулах.

Новый тренер не намерена это терпеть. Она велит нам собраться.

К концу первой недели ее правления мы понимаем, что наши ноги болтаются, как макароны, мышцы вялы, движения небрежны. Тренерша сравнивает нас с гигантскими надувными фигурами, которые запускают над городом на парадах. И она права.

Она отправляет нас бегать по трибунам.

Знали бы вы, какой это ад! Топать вверх и вниз по ступеням под трели ее беспощадного свистка. Двадцать одна высокая ступенька и сорок три поменьше. И еще раз. И еще раз. И еще.

На следующий день наши лодыжки стонут.

Стонут наши спины.

Стонет все.

Мы называем трибуны «лестницей в ад». А Бет говорит, что ни к чему так драматизировать.

Однако к субботней тренировке мы – по крайней мере, некоторые – начинаем с предвкушением ждать этой боли, ведь она кажется такой настоящей.

И мы знаем, что это не смертельно, что скоро станет лучше, ведь мы тертые калачи.

Глава 4

Вторая неделя

Бег по лестнице – это жесть. Я чувствую, как содрогается мое тело – бум, бум, бум – как стучат зубы, я почти в исступлении – бум-бум-бум, бум-бум-бум! – мне кажется, что я вот-вот умру от сотрясающей меня боли – бум! – что мое тело сейчас разорвется на кусочки, а мы все бежим, бежим, бежим. И мне хочется, чтобы это никогда не кончалось.

Какая колоссальная разница в сравнении с тем, что было раньше: в ожидании капитана Бет мы красили ногти и лепили друг другу временные татуировки. Бет являлась за десять минут до начала игры и сражала нас наповал, взлетая на плечи Минди и Кори и растягиваясь в арабеске[11 - Арабеск (фр. arabesque – буквально – арабский) – положение, при котором тяжесть тела переносится на одну ногу, а другая нога отводится вперед или назад.], хотя буквально за минуту до этого курила косяк с Тоддом Гриннеллом и полоскала горло мятным шнапсом, прячась за дверцей шкафчика в раздевалке.

В те дни нам было плевать, что наши движения небрежны и бестолковы; мы просто обсыпались блестками, подпрыгивали в шпагат и трясли задами под Канье Уэста. И все нас любили. Мы были сексапильными сучками. И этого было достаточно.

Вертихвостки – так нас называли учителя.

Звезды – так мы называли себя сами.

Весь спортивный сезон мы рыскали по школе кучной стайкой, двигаясь абсолютно синхронно – волосы одной длины, кроссовки одной модели, золотистые тени на веках. Мы были неуязвимы.

Но лишь теперь я понимаю, какая же тоска нас одолевала! Такой неумный зуд, что порой я поглядывала на других ребят – тех, кто сидел в классах и участвовал в школьных дебатах. На фотографов, делавших снимки для ежегодника, на толстоногих спортсменок и девчонок из оркестра со скрипками в потрепанных футлярах. Я смотрела на них и думала, каково это – иметь увлечение.

Но потом все изменилось.

Бет раскуривает косяк; горящая бумага попискивает, и меня передергивает от этого звука.

Сейчас я должна сидеть в своей комнате и чертить параболы, но вместо этого торчу в машине Бет, потому что той нужно свалить из дома и не слышать, как шелестит по коридору шелковый халат матери.

Бет и ее мать как две африканских антилопы, что всякий раз пускают в ход рога. Они бодаются с тех самых пор, как Бет произнесла первое слово. Если верить ее матери, это была язвительная острота.

– Моя дочь, – заявила как-то раз миссис Кэссиди, еле ворочая языком и густо намазывая шею трехсотдолларовым кремом, – уже во младенчестве была бандиткой.

И вот я сажусь в машину, надеясь, что поездка подействует на Бет успокаивающе. Катают же на машинах младенцев с коликами.

– Завтра контрольная, – бормочу я и тереблю учебник по алгебре.

– Она живет в Фэйрхерсте, – не обращая на меня внимания, произносит Бет.

– Кто?

- Френч. Тренер Френч.

- А ты откуда знаешь?

Бет даже ухом не ведет - она никогда не отвечает на вопросы, на которые ей не хочется отвечать.

- Хочешь посмотреть? Райончик еще тот.

- Да не хочу я, - отвечаю я, но на самом деле, конечно, хочу.

- Все из-за той истории с капитанством? - спрашиваю я очень тихо, как будто сомневаюсь, стоит ли произносить это вслух.

- Какой истории? - произносит Бет, даже не глядя на меня.

Дом в Фэйрхерсте оказывается вполне приличным двухуровневым ранчо. И, вообще, дом как дом. Но что-то в нем есть. Когда знаешь, что тренер там, за большим панорамным окном, в гостиной, залитой мягким золотистым светом, он кажется каким-то более интересным.

На дорожке перед домом трехколесный велосипед, украшенный тонкими розовыми ленточками; они трепещут на ветру.

- Дочка, - бесстрастно произносит Бет, - у нее маленькая дочка.

- Нельзя воспринимать пирамиду[12 - Пирамида - два или более станта, соединенные между собой, а также любой стант в 3 уровня.], как неподвижный объект, - наставляет нас тренер, - или как постройку. Для вас она - живое существо.

Когда мы делали пирамиду при Рыбине, то были «кубиками». И строили ее, как домик, этаж за этажом.

Теперь мы узнаем, что суть пирамиды не в том, чтобы вскарабкаться друг на друга и неподвижно застыть. Суть пирамиды в том, чтобы вдохнуть в нее жизнь. Вместе. Каждая из нас – орган, от которого зависит жизнедеятельность других органов; и вместе мы создаем большой живой организм.

Мы учимся тому, что наши тела принадлежат не только нам, но и команде, и что это главное.

Что, находясь в центре поля, мы становимся единственными людьми во Вселенной. На лицах у нас широкие бессмысленные улыбки, но все, что нас по-настоящему заботит – это стонт. Стонт – и больше ничего.

В основании пирамиды наш крепкий фундамент – Минди и Кори; мои стопы на плечах у Минди, я чувствую вибрацию ее мышц, и эта вибрация передается Эмили, стоящей на моих плечах.

Средний ярус установлен, но мы не тащим флаера[13 - Флаер – «летающий», самый верхний человек в станте, пирамиде.] наверх, как груз. Он не карабкается по нам, как по лестнице. Нет, пирамида колеблется, пружинит, помогая флаеру взмыться ввысь, и в едином порыве мы понимаем, что являемся частью чего-то... чего-то настоящего.

– Пирамида – живой организм, ей нужна кровь, пульс и жар. РАЗ, ДВА, ТРИ!
Пирамида живет благодаря сплетению ваших тел, ритму, который вы создаете вместе. С каждым счетом вы становитесь единым целым и создаете жизнь.
ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, ШЕСТЬ!

Я чувствую Минди под собой, ее литые мышцы; мы движемся, как один человек, подбрасываем Бет, и она тоже становится частью нашего организма: ее кровь начинает течь по моим жилам, а ее сердце – биться с моим в унисон. У нас с ней теперь одно сердце.

– Пирамида неподвижна лишь тогда, когда вы велите ей быть неподвижной, – говорит тренер. – Когда ваши тела становятся единым целым, вы замираете и превращаетесь в мрамор. Вы – камень.

– И в этот момент вы больше уже не сможете шевельнуться, вы перестали быть смазливymi девчонками, которые прыгают по коридору, размахивая хвостиками

и болтая о ерунде. Вы перестали быть симпатичными пустышками, вы уже не девочки, вы даже не отдельные личности. Вы – важнейшие составные части одного организма – совершенного организма. А потом на счет СЕМЬ, ВОСЕМЬ, ДЕВЯТЬ...

– Вы рассыпаетесь.

После тренировки, выдохшиеся и скользкие от пота, мы накидываемся на нее с вопросами.

Она ни капли не вспотела, стоит прямо и смотрит на наши измученные лица. Мы прижимаем бутылки с водой к щекам, к груди.

– Тренер, а вы в какой школе учились? – спрашивает кто-то.

– Тренер, а чем занимается ваш муж?

– Тренер, а это ваша машина на учительской стоянке или вашего мужа?

Мы расспрашиваем каждый день. Постепенно, по капле, выуживаем сведения о ней. Она училась в Стоуни-Крик; муж работает в центре, в зеркальном офисном небоскребе, и это он купил ей машину. Почти никаких подробностей. Только то, чем она может поделиться, чтобы не складывалось впечатление, будто она не делится.

Сосредоточенная и целеустремленная, она отвечает на вопросы только после нашего забега по трибунам. Только после того, как мы сто раз вставали на мостики и сделали сто нещадных упражнений на пресс, скользя по полу мокрыми от пота спинами.

Она такая красивая и, кажется, почти стесняется своей ослепительной красоты. Все время хочет одернуть себя, как юбку, приглушить, как звон браслета с бубенчиками.

Она отпускает нас по домам и сама собирается уходить, когда Рири кричит:

- Эй, тренер! Эй, тре-нер! А что это у вас на щиколотке?

Из-под короткого носка выглядывает татуировка – размытое лиловое пятно.

Она даже не поворачивается, как будто не слышала.

- Тренер, что это у вас?

- Ошибка, – отвечает она своим твердым и тихим голосом. Ошибка.

О, так у нашей строгой тренерши темное прошлое. Шальное прошлое.

- Спорим, она снималась в одной из серий «Дрянных девчонок до нашей эры»? – говорит Бет. Она сидит за ноутбуком Эмили и набирает имя тренера в поиске на «Ютьюбе». Она задалась целью прошерстить весь интернет.

Но ничего не находится. Я почему-то так и думала. Она – кремень, вряд ли на нее можно что-то нарыть.

После тренировки Эмили – она тает теперь прямо на глазах – лежит на голом линолеуме в раздевалке и раз за разом скручивает пресс, качая мышцы, подгоняя себя под стандарты тренера. Я сижу рядом и держу ее за ноги, чтобы толстые голяшки не дергались.

Оказывается, тренер еще не ушла – она в кабинете, говорит по телефону. Мы видим ее через стекло: она открывает и закрывает жалюзи, покручивая в руке пластиковую палочку. Смотрит в окно на парковку. Открывает и закрывает. Открывает и закрывает.

А потом вешает трубку и выходит из кабинета. Грохочет открывающаяся дверь – и все начинается.

Тренер видит нас и одним кивком приглашает войти.

В кабинете пахнет сигаретным дымом. Как от продавленного дивана в учительской с въевшимся пятном на обивке. По школе гуляет куча версий происхождения того пятна.

На столе у тренера стоит фотография маленькой девочки. Тренер говорит, что ее зовут Кейтлин. Кейтлин четыре года, у нее безвольный ротик, румяные щеки и такой глупый стеклянный взгляд, что я невольно задаюсь вопросом, как людям вообще приходит в голову заводить детей.

- Хорошенькая, - выпаливает Эмили, - как куколка... или типа того.

Куколка или типа того.

Тренерша смотрит на фотографию, будто видит ее впервые. Щурится.

- В детском саду я на плохом счету, - произносит она таким тоном, будто ее это волнует. - Я ее всегда последняя забираю. По крайней мере, из всех мам.

Она ставит фотографию на место и смотрит на нас.

- Помню, у меня тоже такие были, - кивает она на наши фенечки.

Они, мол, в детстве их плели, и надо же, мода возвращается. Она называет их «браслеты дружбы». Впервые слышу, чтобы их так называли.

- Это просто фенечки, - говорю я.

Она смотрит на меня, потом прикуривает от обычной деревянной спички, как тот мужик, что продает нам вино с черного хода своей лавки на Шелтер-Роуд.

- Вот такое плетение у нас называлось «змея на дереве», - говорит она, поддевая мизинцем браслет на запястье Эмили и затягивается сигаретой.

- Это «китайская лестница» - снова возражаю я.

– А это? – Она тычет мне в руку сигаретой так, что кончик едва не обжигает кожу.

Смотрю на свой браслет и на ее изящный пальчик.

– Узел «незабудка», – лыбится Эмили. – Такой проще всего выучить. И я знаю, кто тебе его сплел.

Я не отвечаю.

Тренер смотрит на меня.

– Парни не плетут фенечки.

– Не плетут, – отзывается Эмили и чуть ли не прищелкивает языком.

– Да я даже не помню, кто его мне подарил, – говорю я.

Но потом вспоминаю: это была Кейси Джей, девчонка, с которой мы подружились в чирлидерском лагере прошлым летом, но Бет ее невзлюбила, а потом и смена кончилась. Вот странно: в лагере кажется, что роднее друг и быть не может, а потом лето заканчивается и вы никогда больше не видите.

Тренер смотрит на меня, и я замечаю, что в уголке рта у нее ямочка.

– Научи меня, – говорит она и снова тычет в меня сигаретой. – Научи плести «незабудку».

Я говорю, что у меня нет ниток, но у Эмили на самом дне ее полотняной сумки оказывается целый клубок.

Мы учим ее плести и смотрим, как она переkreщивает нити. Она быстро схватывает что к чему – пальцы так и порхают. Интересно, есть ли что-то, что она не сможет сделать?

– Вспомнила, – говорит она. – Смотрите.

И показывает плетение «кошачий язык» – смесь «сломанной лестницы» с простой косичкой. И еще одно, «злодейский узел», который я вообще не понимаю.

Она довязывает «злодейский узел», наматывает браслет на палец и бросает мне. Я вижу, как завистливо вспыхивают глаза Эмили.

– Значит, так вы, девчонки, развлекаетесь?

Нет. Не совсем.

– Ей как будто было правда интересно, чем мы живем, – докладывает Эмили остальным и проводит пальчиком по моему браслету.

– Какое убожество, – фыркает Бет. – Даже мне не интересно, чем мы живем. – Она хватается браслет, тянет его и срывает с моей руки.

На следующий день после школы вижу тренера на парковке. Она шагает к спортивной серебристой машинке.

Я стою с бутылкой колы и жду. Бет обещала меня подвезти, но решила, что я могу и подождать, пока она убалтывает мистера Фека, который пачками выдает ей розовые пропуска на выход. У него в столе таких тонны.

Я думала, тренер меня не заметит, но она тут же окликает меня и кивает на свою машину.

– Иди уже, – зовет она. – Садись.

Как будто знала, что я только и жду приглашения.

Она рулит одной рукой, а другой трясет бутылку с каким-то странным мутным коричневым соком. У меня от этих соков зубы сводит, а она все время их пьет.

Никто ни разу не видел, как она ест.

- У вас, девочки, столько вредных привычек, - она кивает на колу.

- Это диетическая, - отвечаю я, но она лишь качает головой.

- Ну ничего, мы приведем вас в порядок. Вы у меня перестанете в солярий бегать и луковые пампушки на обед лопать.

- Окей, - не слишком уверенно соглашаюсь я. Между прочим, я луковых пампушек ни разу в жизни не пробовала.

- Увидишь, - говорит она. Прямая спина и шея, брови выщипаны так, что не придерешься, золотой теннисный браслет[14 - Теннисный браслет - тонкий браслет обычно золотой или платиновый, украшенный бриллиантами. Назван так после того, как американская теннисистка Крис Эверт потеряла подобный на корте и вынудила судью найти украшение, для чего потребовалось приостановить игру US Open в 1987 году.], блестящие, как в рекламе, волосы. Само совершенство.

- Так кто из этих футболистов твой? - спрашивает она, глядя в окно.

- Что? - опешиваю я. - Никто.

- У тебя никого нет, что ли? - приосанивается она. - Это почему?

- В Саттон-Гроув-Хай выбирать не из кого, - отвечаю я, потому что так ответила бы Бет. А сама поглядываю на пачку сигарет на приборной панели и представляю, как достаю сигарету и сую в рот. Интересно, она мне помешает?

- Скажи, - говорит она, - как зовут того кудрявого парня? - она постукивает пальцем по лбу, пытаюсь вспомнить. - С горбинкой на носу.

- Из футбольной команды?

- Нет, - она чуть наклоняется к рулю. - Я его на футбольном поле видела. Бегает трусцой. У него еще шорты с черепами.

- Джорди Бреннан? - спрашиваю я.

У нас была компания парней, с которыми мы тусовались: десять-двенадцать ребят. На вечеринках мы садились к ним на колени, а они дышали нам в лицо перегаром. Неделю, максимум, месяц я считалась «чьей-то» девушкой, только потому, что носила его спортивную куртку.

Но Джорди Бреннан никогда не входил в их число. Я знала о его существовании, не больше. Он просто мелькал где-то там, на периферии.

- Никогда его не замечала, - говорю я.

- А он симпатичный, - отвечает она, вздыхает и поворачивает руль. Я понимаю, что в эту секунду она думает о Джорди Бреннана.

И теперь я тоже о нем думаю.

Ткань рубашки царапает мне спину, когда горячие нетерпеливые руки Джорди ныряют под нее, а в следующий момент он уже задирает мне юбку выше пояса и тычется в живот. Его руки повсюду, мои ладони стиснуты в кулаки. Неужели мы это сделаем?

Вот что творится в моей голове той ночью, пока я ворочаюсь под одеялом. В первый раз со мной такое. В первый раз так пылает все внизу, так стучит - тук-тук-тук, так трепещет.

Джорди Бреннан. А я ведь даже не замечала его.

Перед сном я намереваюсь позвонить Бет, чтобы, как обычно, обсудить случившееся за день, но передумываю.

Мне кажется, она будет злиться на меня за то, что я не дождалась ее после школы. Или по какому-нибудь другому поводу. Она часто на меня злится, особенно после того лета в лагере, когда между нами что-то изменилось. С тех пор как мне надоело быть ее шестеркой, надоели ее жесткость и

неуступчивость, и я стала тренироваться с другими девчонками. Но мы с Бет многое пережили. Мы дружим сто лет, а все эти годы разом не перечеркнешь.

Я решаю позвонить Эмили, и мы больше часа обсуждаем баскет-тоссы[15 - Баскет-тосс – стант-бросок флаера вертикально вверх. Выполняется группой из 4-5 человек.], ее вывихнутую лодыжку и особый воск для интимной эпиляции, привезенный Бринни Кокс с Бермуд.

Я готова выслушивать любой ее бред, лишь бы не думать о парнях и тренере. Голова горит и трещит. Хочется, чтобы все стихло. Чтобы наступила тишина. Я сжимаю ноги, хватаюсь за живот и продолжаю слушать визгливый голос Эмили, ее бессвязную болтовню, в которой нет ни капли смысла.

Глава 5

Третья неделя

Мы совершенствуемся с каждым днем.

Станты у нас все лучше. Мы становимся сосредоточеннее. Эмили наконец-то делает обратное сальто. Которое, как мы думали, у нее никогда не получится, с ее-то буферами. Мы становимся сильнее, учимся ощущать друг друга, чувствовать, что нужно сделать, чтобы не упасть.

По ночам, лежа в постели, я слышу стук наших ног, приземляющихся на мат; этот звук пробирает меня насквозь, проникает в самое сердце.

Я чувствую, как под кожей наливаются мышцы. Я даже начала есть, ведь иначе не справлюсь с головокружением. В первую неделю я дважды грохнулась в обморок на алгебре, а на следующей даже ударилась лбом о парту – ШМЯК!

Так не пойдет, говорит тренер.

– С беговой дорожки в класс, и рассчитываешь продержаться до обеда на одной диет-коле? – накидывается она на меня в кабинете школьной медсестры. Она так стремительно врывается туда, что даже широкоплечая сестра Вэнс отскакивает в сторону, хотя тренер вдвое ее меньше.

Вывернув мою сумку, она швыряет в меня пакетик леденцов без сахара.

Я поспешно бросаю их в мусорное ведро.

– Не волнуйся, – говорит она. – Никто не растолстеет под моим присмотром.

И я начинаю есть. Сначала омлет из белков с миндалем и шпинатом. Шпинатные листья липнут к зубам, как лепестки увядших лилий. Это самая унылая еда в мире. К тому же, я слишком привыкла к леденцам, которыми можно было похрустеть в любое время дня и ночи. Во рту круглые сутки было сладко.

Зато я чувствую, как крепнет мое тело. Оно становится упругим и подтянутым, как у нее, а талия – такой же узкой.

Я копирую ее балетную походку, стараюсь так же выворачивать стопы. Интересно, она занималась балетом? Легко представить ее с волосами, собранными в тугий пучок, и выступающими ключицами.

Мы все начинаем копировать ее походку.

Кроме Бет, конечно же, и некоторых других. Тейси Шлауссен, например. Этих, наоборот, все сильнее притягивает хмурый, исподлобья, взгляд бывшего капитана. Бет одергивает юбку и крадется к стайке первокурсниц, наблюдающих за нами с трибун. У одной девчонки носки с помпонами. Бет отрывает помпон и медленно опускает его на дно пластикового стаканчика с кока-колой.

Вот чем она занимается, пока мы трудимся, чтобы стать сильнее и красивее.

Джорди Бреннан бежит по полю. В его наушниках негромко бренчат гитары.

Я слежу за ним уже четыре дня. Стою, спрятавшись под трибунами, держась за металлическую опору. Стою так, сжимая и разжимая пальцы.

- С каких пор тебе нравятся кривоносые, Эдди-Фэдди? - спрашивает Бет.

- Не знаю, - отвечаю я. Ногти впиваются в ладонь.

- А в чем прикол-то? - спрашивает она. - Он тупой, как пробка.

Она щелбанит алюминиевую трубу, но та не звенит.

- А кажется таким задумчивым, - я приподнимаюсь на носочках, чувствуя себя глупенькой чирлидершей. - Как будто действительно задумывается о жизни и все такое.

- Задумывается он, как же, - Бет ту же стягивает хвостик. - Знаю я эти глубокие раздумья о новой модели кроссовок.

Я так и не рассказала ей о нашем с тренером разговоре. Не хотела, чтобы она знала, что тренер меня подвезла.

Бет выбирается из-под трибун и останавливается на краю беговой дорожки.

Джорди Бреннан бежит мимо, и меня пробивает дрожь, я чувствую укол возбуждения.

- Джорди Бреннан, - громко и отчетливо зовет Бет. - Иди сюда!

Он пробегает мимо, потом тормозит, разворачивается и вразвалочку подходит к нам. Во мне все ликует.

- Ага, - говорит он. Я вижу, что глаза у него цвета сукна на покерном столе. И совершенно пустые.

- Джорди Бреннан, - говорит Бет и выбрасывает сигарету, - тебе сегодня повезло.

Через пятнадцать минут мы сидим в его помятой «малибу». Бет приказывает Джорди ехать к магазину на Ройстон-Роуд, где наши футболисты всегда покупают пиво. Угрюмый мужик за прилавком берет пять баксов только за пластиковый пакет.

Мы берем пиво в литровых бутылках (я их терпеть не могу: не успеваешь допить до половины, а пиво уже теплое и кислое, как помой) и едем в ущелье Саттон-Ридж, к обрыву, с которого прошлой весной прыгнула девчонка.

Ей было семнадцать и ее бросил парень.

А Рири сидела внизу в машине с Блейком Барнеттом и все видела.

Рири говорила, что как раз перед тем, как девушка прыгнула, из-за водонапорной башни выпорхнула ушастая сова^[16 - Согласно примете, ушастая сова является предвестником несчастья.], и они с Блейком подняли глаза к вершине.

Если верить страшилкам, которыми нас пугали в детстве на Хэллоуин, это место населено призраками мертвых индейских дев из племени апачей. Несчастные бросались в это ущелье от неразделенной любви к вероломным белым мужчинам.

Рири и Блейк видели все от начала до конца.

Блейк даже узнал девчонку. Она училась в Сент-Реджис. Он хотел окликнуть ее, но не решился.

Та стояла спиной к обрыву, раскинув руки, и быстро пятилась к краю.

Рири видела, как все произошло.

Потом она признавалась, что это было ужасно, но и прекрасно по-своему.

Еще бы, спрыгнуть с такой невероятной высоты в темные заросли на дне ущелья.

Многие из нас смотрели в эту пропасть в те дни, когда нас раздирали душевные муки. Правда, мои страдания еще никогда не были столь сильны, чтобы меня потянуло на дно, но сейчас я понимаю, что зарекаться не стоит.

Бет поднимается на самый край скалы, хлещет пиво из бутылки и выглядит при этом на удивление мило. А Джорди склоняется ко мне и полчаса, а то и больше, мокро целует в губы.

Он говорит, что для него это место особенное.

Он иногда приходит сюда по вечерам, играет на гитаре и забывает обо всем.

– Наверное, для тебя чирлидинг – то же самое, – говорит он.

А потом он начинает осторожно гладить меня. Его большие пустые глаза с длинными, как у девчонки, ресницами, крепко зажмурены. Как странно у него нос свернут вправо, как будто сломан.

– Она красивая, да, Джорди? – голос Бет звучит, как шум волн откуда-то издали. – Красивая, когда смотрит тебе в глаза?

Я целую его щеку, горбинку на носу, и он вздрагивает.

Его ресницы щекочут меня, у него грубые и сильные мужские руки, и я чувствую, какой восторг и удивление вызывает у него все происходящее.

Это так глубоко трогает меня, что мне начинает казаться, что сегодняшний день – один на миллион. Сгущаются фиолетовые сумерки, и я, должно быть, пьяна, потому что слышу где-то вдали голос Бет, и та говорит какие-то странные вещи, спрашивает, чувствую ли я себя иначе. Чувствую ли я себя любимой.

Позже тем же вечером приходит короткое эсэмэс от Джорди Бреннана, в котором он осторожно намекает на продолжение. Но чувство, что переполняло меня там, на краю обрыва, уже испарилось.

Как легко было завоевать его. И как скучно. Мне знакомы все тонкости и хитрости этой игры, в которой особых тонкостей и хитростей-то нет.

Мне не терпится рассказать обо всем тренеру. Интересно, что она скажет?

Потом звонит Бет. Мы обе еще не совсем протрезвели и долго болтаем.

Бет спрашивает, помню ли я, как мы когда-то давно придумали игру. Мы повисали на гимнастической лесенке, переплетаясь ногами, и старались провисеть так как можно дольше, и вскоре уже никто не мог побить наш рекорд. Даже мы сами. И я, и она могли висеть сколь угодно долго, поэтому договаривались отпускать руки на счет три, но Бет всегда жульничала и не разжимала рук. Она болталась на перекладине, а я стояла внизу и улыбалась в ответ на ее усмешку, и у меня была щербинка меж зубов, которая исчезла после того, как я стала носить брекететы.

Бет несвойственна ностальгия, но она пьяна и, похоже, сходила за добавкой – приложилась к коньяку миссис Кэссиди. Может, захандрила после сегодняшней прогулки в ущелье. А может, не в прогулке дело.

– Кошмар, что все так меняется, оглянуться не успеешь, – говорит она. – Но вот ты – нет.

На следующий день, заметив меня на парковке, тренер кивает и улыбается краешком губ.

Готовясь обо всем ей рассказать, я ощущаю странную гордость за себя. Как будто она попросила меня выполнить стант – «покажи-ка мне «колыбельку»[17 - «Колыбелька» («креддл») – способ приема флаера, когда после броска (тосса) он падает в руки спортсменам, находящимся в базе, лицом вверх, принимая положение «пайк» (положение тела спортсмена, при котором он сгибается вперед к вытянутым прямо ногам) и затем соскакивает на пол.], Эдди. Так, руки вверх...» – и вот я уже в воздухе, ноги вытянуты, как стрела, и мощная дрожь сотрясает лодыжки, колени, бедра, когда я приземляюсь на жесткий пол.

И вот я все ей выкладываю, а руки бессознательно тянутся к губам, как будто мне трудно говорить. А я тут замутила с Джорди. С Джорди Бреннаном. Как вы и сказали.

- А это кто, напомни? - спрашивает она.

Внутри у меня что-то обрывается. Кто это?

- Он бежит трусцой на футбольном поле, - говорю я с нажимом. - Вы сами на него внимание обратили. У него еще шорты с черепами. И горбинка на носу.

Она смотрит на меня и молчит.

- И как он, хорошо целуется? - спрашивает тренер, но я так и не могу понять, вспомнила она его или нет.

Я не отвечаю.

- Сразу с языком? - уточняет она.

Я решаю, что мне это послышалось.

- Или уговаривать пришлось? - с лукавой улыбкой произносит она.

- Все было не так.

Она что, издевается надо мной?

- Ну и как? - уже серьезнее спрашивает она. - Понравилось?

- Не знаю. - Я не смотрю ей в глаза. Мои щеки пылают. Как будто я беседую с парнем, причем старше меня и из другой школы. - Не знаю, хочу ли продолжения.

Она смотрит на меня и кивает, будто я сказала что-то толковое.

– Ты умная девочка, Эдди, – говорит она, и после паузы добавляет: – Эти мальчики до добра не доводят.

Киваю в ответ, а сама думаю об этом слове – «мальчики». Ведь кто такой Джорди Бреннан, как не мальчик? Мальчишка. Даже не парень.

А вот тренер замужем за мужчиной. Она в них разбирается. Бог знает, сколько их у нее было.

Ключи звякают у нее в руке, она садится в машину.

Смотрит на меня сквозь стекло, подмигивает, как будто у нас с ней появился секрет. Как будто теперь у нас есть что-то общее.

И я чувствую, что мы стали немного ближе.

Глава 6

Четвертая неделя

– Где ее носит? – шепчет Рири и встряхивает золотистыми кудряшками.

Бет опаздывает на тренировку, и я начинаю думать, что она вообще не придет.

В ней что-то надломилось; мне кажется, что она вроде как по-прежнему чувствует себя капитаном, только вот капитанить больше не над кем. И это как фантомный зуд в отрубленной конечности.

На прошлой неделе она дважды пропустила наш ежевечерний разбор полетов: кто опозорился, у кого лифчик грязный, из-за чьей жирной задницы складывается впечатление, что они такие у всей команды. Всю жизнь мы созванивались с нею на ночь глядя. Но во вторник я забыла, а в четверг она не сняла трубку. Но я словно чувствовала, что она там, дышит и смотрит как на экране мигает: Эдди, Эдди.

Тренерша выкатывает тележку, на которой стоит телевизор. В руках у нее пульт.

- Вы делаете успехи, - говорит она.

Мы смотрим запись выступления. На экране мелькают желтые пятнышки - это мы. Золотистый загар, подпрыгивающие хвостики - все как всегда. Но мы уже не трясем ляжками, не крутим задами. Теперь мы подпрыгиваем абсолютно синхронно, образуем ровную V в три ряда и все, как одна, взлетаем в той-таче. А какие у нас плавные переходы! Я даже не верю своим глазам - мы как одна длинная сороконожка, которая скручивается и раскручивается.

Мы синхронны. Мы собранны. Мы уверены и четки.

- Где Кэссиди? - спрашивает тренер, и мы разом отрываемся от экрана.

Опоздавшие даже на десять секунд не допускаются к тренировке. Тренер отсчитывает эти секунды, притоптывая ногой, как делала училка по физре в третьем классе. Как-то раз Эмили влетела в зал на счет «пять» с окровавленным лбом: она так спешила, что, закрывая шкафчик, ударила себя дверцей по физиономии.

- Кажется, она... - я на ходу пытаюсь придумать хоть какое-нибудь оправдание.

В тот самый момент в кармане толстовки Тейси Шлауссен начинает мигать красный огонек. Вступают басы. Это припев той самой песни про клуб, в которой поется о том, как жара напирает со всех сторон, и ты понимаешь, как там круто, в этом клубе.

Тейси забыла выключить телефон, и теперь ей попадет.

И я знаю, что это Бет.

У нас каждый год появляется новая тейси. Преданная собачонка, готовая прогулять четвертую пару, чтобы выполнить одно из безумных поручений Бет или сыграть в «слабо». Например, пробежаться по торговому центру со спущенными джинсами, сверкая стрингами перед охранниками. Бет хлебом не

корми, дай заставить кого-нибудь побегать.

Бросаю на Тейси сердитый взгляд, призывая ее взять себя в руки. Но та уже запаниковала.

Через секунду тренер уже лезет к ней в карман.

Телефон летит по полу к раздвижной двери, из-за которой раздаются веселые крики подготовишек: «Топ-топ-хлоп-хлоп! Топ-топ-хлоп-хлоп!»

У Тейси дрожит подбородок.

Нам еще не доводилось видеть, как тренер выходит из себя, и не знаю, почему у всех сейчас такое тяжелое чувство, будто над нашими головами навис молот.

Однако тренер молчит. Тишина длится десять, двадцать секунд.

Она даже не выглядит рассерженной.

Кажется, ей даже скучно.

Как будто она разочарована в нас.

– Жалко смотреть на вас, девочки, с вашими телефончиками и эсэмэсками, – наконец произносит она, качая головой. – Лет десять-двенадцать назад у нас в ходу были бумажные записочки. И на нас тоже было жалко смотреть. Хотя нет, сейчас дело обстоит хуже.

В одно мгновение все наши труды, о которых все еще свидетельствует горящий телеэкран, рассыпаются в прах.

И я чувствую себя такой душой, ведь у меня тоже есть такой же дурацкий телефончик с дурацкими сменными чехольчиками – ярко-розовым, с бабочками, и под леопарда. Потому что я тоже никогда не выпускаю его из рук; он сросся со мной и теперь пульсирует во мне вместо сердца.

И все мы понимаем, чья это вина.

Тейси трясется гораздо сильнее, чем в тот раз, когда Бет вышвырнула ее из машины на горе Блэк-Эш. В тот раз она пролила персиковый бренди на новые кожаные сапоги Бет, блестящие, как лакрица, очень красивые и так и не оправившиеся после того случая.

- Простите, тренер, - блеет Тейси, - простите.

Тренер смотрит на нее, а я невольно думаю об игольчатом вентиле на горелке Бунзена[18 - Горелка Бунзена - газовая горелка, применяющаяся для химических лабораторных работ, создана немецким химиком Робертом Бунзеном в 1857 году.]. Как тот накрепко закручивается. И перекрывает газ.

Чуть позже тренер курит у открытого окна своего кабинета. Она смотрит на Тейси, ее гладко прилизанные волосы и вечно приподнятые бровки, придающие ее лицу неизменно испуганное выражение.

- Овечка, - вздыхает тренер.

Я рада, что меня не относят к несчастным жалким дурочкам с несчастными жалкими телефончиками.

- Команде нужны овечки, - продолжает она. - Так что пусть остается.

Я киваю, прижимаясь виском к холодной раме. Ноги после тренировки все еще дрожат.

- Но я не стану тратить время на овец, - говорит она. - Нет смысла.

Я киваю, теперь уже медленнее; лоб скрипит о раму.

- Вот ты, Хэнлон. Ты никак не решишь, что же тебе нужно на самом деле, - произносит она и глядит на свою сигарету так, будто та пытается ей что-то сказать. - Где твое место.

Я киваю и выпрямляюсь, приосаниваюсь от ее слов.

Она все еще смотрит на кончик сигареты, и выражение ее лица меняется: на нем появляется испуг и удивление, теперь она кажется совсем девчонкой.

Никогда не видела ее такой. Я словно переношусь на много лет назад, когда мы с Бет, совсем еще дети, пытались укрыться от ужасов окружающего мира в кабинке туалета и, обжигая горло и легкие, впервые затягивались, набираясь храбрости, чтобы взглянуть всем этим ужасам в лицо с широкой улыбкой на лицах.

Бет появляется на следующий день с запиской от Си Ю, сотрудницы лечебного спа «Живое сердце». В записке говорится, что накануне ее мучили жестокие менструальные боли, в связи с чем ей понадобился экстренный сеанс звуковой терапии.

– Без шуток, тренер, – говорит Бет, и никто из нас не может поднять на нее глаз, – они ударяют по таким большим вилкам – типа тех, которыми стейки на гриле переворачивают – этот звук отзывается вибрациями в организме и регулирует работу яичников.

Бет проводит рукой по животу, словно призывая нас убедиться в том, что ее яичники отрегулировались и успокоились. Что она их победила.

– Нелегка женская доля, – добавляет она и с подчеркнутой усталостью качает головой.

Тренер смотрит на нее, сжимая в руках свою папку. Ее лицо ничего не выражает.

Она не вступает в игру.

– Вы прыгаете вразнобой, – произносит она, отворачиваясь от Бет.

И это все?

– И я знаю, почему, – продолжает она. – Вы лоснитесь от жира, девочки. От неправильного питания вы все заплыли жиром.

Я вдруг начисто забываю о Бет и думаю только о том, сколько во мне жира. Как я ни старалась, срывы все же случались, и теперь мне кажется, что тренер смотрит только на меня и ей откуда-то известно про пышки с корицей, что я ела сегодня утром. У меня от них до сих пор зубы болят. Живот раздулся. Чувствую себя слабой и никчемной.

– Сегодня будем вкалывать, – заявляет тренер. – Да так, что никакая звуковая терапия не поможет. Стройся!

И тут мы понимаем, что нам предстоит расплачиваться за грехи Бет.

Начинаются прыжки, затем махи и упражнения на пресс, и бег по залу. Рири в углу выблевывает пенную массу из протеинового коктейля и несладких пончиков с сахарной пудрой.

Но Бет держится молодцом. Надо отдать ей должное. По крайней мере, она не заставляет нас ее стыдиться. Пот льет с нее градом, застилает глаза, но она делает все идеально.

После тренировки она отказывается даже присесть, а мы падаем на маты, обнимая колени потными руками. Но Бет стоит, как лом проглотила.

В ней столько гордости, что, несмотря на то, что я устала от нее, ее враждебности и провокаций, во мне все еще теплится к ней какое-то чувство. Почти потухший уголек, из которого вновь разгорается пламя. Любовь к прежней Бет, какой она была до старших классов, до Бена Траммела, до всех парней, до развода родителей, аддералла[19 - Аддералл – психический стимулятор, относящийся к фармакологической группе амфетаминов. Используется для лечения гиперактивности и синдрома дефицита внимания. Побочными действиями препарата являются отсутствие аппетита и потеря веса.], отстранений от учебы и жалости к себе.

К Бет-третьекласснице, которая сидит на велосипедной дорожке с болтающимися косичками, вздернутым подбородком и стискивает в кулаке тупые ножницы, которыми кромсает шину на велике Брейди Керра. Того самого

Брейди Керра, что столкнул меня с карусели, да так, что я ободрала кожу на ноге от щиколотки до колена.

Бет с силой отрывает куски резины, ее пальцы разодраны в кровь, она смотрит на меня и улыбается. Между передними зубами щель; она безумно гордится своим героизмом.

Как можно забыть о таком?

Все мы хотим «выйти на следующий уровень» – так мы это называем. Следующий уровень для нас – это «баскет-тосс»[20 - Баскет-тосс – стант-бросок из 4–5 человек, в котором руки боковых баз сцеплены и обязательно присутствие задней базы.]: когда трое или четверо девчонок подбрасывают флаера на три, пять, семь метров в высоту; флаер делает сальто и приземляется им на руки. Даже Бет никогда не удавалось сделать это на такой высоте и без мата. Это не наш уровень. Мы не конкурсная команда.

Но стоит освоить «баскет-тосс», и можно браться за настоящие станты, настоящие пирамиды – пирамиды, где флаера подбрасывают вверх, как пушечное ядро. Ошеломляющие трюки, вызывающие у всех протяжное «а-а-а-х», те, о которых мы всегда мечтали.

Весь день смотрим ролики на «Ютьюбе»: самые сильные подкидывают в воздух самых легких, а те пытаются взлететь как можно выше. Прогнувшись и раскинув руки, они словно зависают на самом верху, а потом начинают падать, и не раньше, чем нужно.

Но роликов с неудачными прыжками гораздо больше.

– В прошлом году одна девчонка в Сент-Реджис погибла, когда ее подбросили на такую высоту, – мрачно, словно на пресс-конференции, объявляет Эмили. – Упала девчонкам на руки грудью вниз, и селезенка у нее лопнула, как шарик.

– Селезенка не может лопнуть, – говорит Бет, хотя откуда она это знает, неизвестно.

- А я слышала, что у нее был мононуклеоз, - вмешивается кто-то из наших.

- А это тут при чем?

- От него селезенка распухает.

- У нас ни у кого нет мононуклеоза.

- Откуда вы знаете?

- В школе у моей двоюродной сестры его запретили, - говорит кто-то.

- Как можно запретить мононуклеоз? - фыркает Бет.

- Я про «баскет-тосс». Его даже на матах делать запрещают.

- Кто вообще может так задрать пятки к затылку? - размышляет Рири, встряхивая тугими кудряшками и задирая ногу.

- Кто? Ты, - отвечает Бет, - ты это делаешь каждым субботним вечером.

- Бет, а ты готова? - улыбается Эмили.

- К чему?

Тейси закатывает глаза.

- Можно подумать, есть другие претенденты. Лучше тебя - никого, Бет.

Та почти улыбается.

Я смотрю на нее и чувствую облегчение. Оттого, что она так этого хочет. Когда тренер назначит ее флаером, все сразу наладится. Может, они даже подружатся, думаю я. Мне очень хочется, чтобы это произошло.

Конечно, стать флаером мечтает каждая. Даже я, хотя я выше Бет на двенадцать сантиметров. Не повезло так не повезло. «Баскет-тосс» – звездный трюк, и в предвкушении мы напрягаемся, ускоряемся, чувствуем частое, сильное биение пульса в висках.

Броски, двойные пирамиды, стойки с опорой на спину и на бедра партнера, пирамида со шпагатом, «волчья стена»[21 - Стойка на спинах (tabletop) – пирамида, с одной или двумя базами в наклоне с прямой спиной, в которой флаер находится на их спинах. Стойка на бедрах – фигура, в которой две базы стоят, отведя одну ногу в сторону и согнув ее в колене так, что бедро оказывается параллельно полу, флаер становится на бедра спортсменов. Пирамида со шпагатами – спортсмены поднимают флаера, сидящего на шпагате, на вытянутых руках. «Волчья стена» – пирамида, в которой спортсменки стоят на плечах друг у друга одной ногой, другая вытянута в сторону и касается других спортсменов.] – вот что, по словам тренера, отличает настоящую команду от сборища трясущих задом покрикушек.

– А мы, значит, уже не трясущие задом покрикушки? – цедит сквозь зубы Бет, охрипнув от сигаретного дыма. В ее глазах кровь и скука. – Если б я хотела стать спортсменкой, – заявляет она, – гоняла бы шайбу с жирухами из хоккейной команды.

Три часа семь минут, тренер входит в зал; волосы собраны в небрежный хвостик.

– Тренируем бросок, – говорит она. – Для «колыбельки» нужны четверо – двое в базу, один передний и один задний споттер[22 - Споттер – страхующий, участник команды, отвечающий за безопасность маунтера (спортсмена на среднем ярусе) или флаера; контролирует, но не участвует в построении пирамиды (станта); поддерживает визуальный контакт с маунтером/флаером и отвечает за их безопасный спуск.]. Тогда вам хватит сил.

Она замолкает.

– Кто будет флаером?

Вперед выходят две наши крутышки – базы Минди и Кори Бриски с ногами-титановыми стержнями. Они оглядывают нас, точно прикидывая, чья же жизнь

будет зависеть от их кременных ключиц, ведь именно на них будут опираться наши ноги, когда мы встанем в полный рост.

И на какое-то мгновение мне кажется, что флаером назначат меня.

«А почему бы и нет», – думаю я и представляю, как меня подбрасывают вверх, и я кувыркаюсь под самым потолком. Ко мне прикованы все взгляды; мое тело, как снаряд, оно прекрасно.

Но это должна быть Бет. Мы все это знаем. Она уже практически вышла вперед, выпрямилась во все свои полтора метра росточку: от силы сорок килограммов, железный пресс – не человек, а робот.

Она наш флаер. И бог с ними, с пропущенными тренировками и с ее наглостью. Флаер – она.

(Но только вот голос внутри твердит: я, я, я! Это должна быть я! Ну если не я, то Бет.)

– Шлауссен, – чеканит тренер и поворачивается к овечке Тейси.

Мое сердце камнем падает вниз.

– Готова взлететь? – спрашивает ее тренер.

Все резко смолкают, и в зале становится нечем дышать.

Не Бет, значит.

Но Тейси?

Тейси Шлауссен, это ничтожество с красными глазами, которую Бет прозвала «белым кроликом»?

И тут я все понимаю. Тренер заставляет Тейси взойти на эшафот. Тейси с ее твякющим телефоном, Тейси, любимую служанку Бет.

В голове раздается оглушительный треск – треск разбивающегося о пол черепа. Звон лопнувшей селезенки. Как много способов ошибиться, угробить себя. Ноги ломаются, как пластиковая заколка; позвоночник хрустит, как сломанная спичка.

Как много способов быть уничтоженной в одно мгновение.

И не этого ли я втайне хотела всего пару секунд назад?

Хотела. И по-прежнему хочу. Но двенадцать лишних сантиметров... кто ж меня попросит.

Никто из нас не решается взглянуть на Бет, и мы во все глаза смотрим на Тейси. Ее лицо покраснелось, а сердце готово выпрыгнуть из груди, это заметно.

Когда же я украдкой смотрю на Бет, то вижу, что та даже не поднимает головы – стоит и вертит завязки своей кофты, и те закручиваются в спиральки.

– Кафлин, – тренерша поворачивается к Минди, чьи каменные плечи два сезона в год покрыты синяками. – Она в твоём распоряжении. Что скажешь?

Минди медленно оценивает Тейси.

– Нет проблем, – отвечает она и смотрит на тренершу. Разве что хвостом не виляет.

Та кивает в ответ.

– Поднимай ее и посмотрим, на что она годится. Раз-два...

Минди и Кори берут друг друга за запястья и образуют решетку из рук.

– Три-четыре! – командует тренерша.

Тейси вытягивает свои тонкие ручки-веточки и ставит ногу в сплетение рук. Одна здоровая, как блин, ладонь, ложится ей на спину, а вторая подхватывает ее под ягодицы. Сзади ее подсаживает Пейдж Шепард.

– Пять-шесть, – Минди и Кори поднимают Тейси на высоту своих ключиц; та лихорадочно нащупывает их плечи, а Пейдж спешит подстраховать ее сзади.

И вот Тейси наверху.

– Семь-восемь!

И, раскачавшись на ногах, разжав пальцы, девчонки подбрасывают ее вверх.

Ошеломленная Тейси разевает рот.

Она в воздухе.

Все ее тело дрожит, как гитарная струна.

Она слишком испугана и не может сделать ни так[23 - Так (tuck) – прыжок, при котором колени прижаты к груди.], ни пайк[24 - Пайк (pike) – прыжок, при котором спортсмен сгибается вперед к вытянутым прямо ногам.], ни той-тач – ничего она не может.

– Расслабься! – кричит тренер.

Тейси падает вниз, трое девчонок собираются в кольцо, Тейси врезается ногой в ключицу Минди.

Но они ловят ее. Она не падает и не бьется об пол.

Потом она спускается вниз, скуля, как жалкий щенок.

В течение часа Тейси падает и падает. Снова и снова.

Стопой в лицо. Лодыжкой в плечо. Лицом о мат.

Минди и Кори сердятся все больше по мере того, как получают от нее новые тычки; подсаживая, они церемонятся все меньше.

Примерно через полчаса Тейси начинает рыдать и не может успокоиться до конца тренировки.

Тренер уходит в кабинет ответить на звонок и оставляет Бет считать за себя.

Бет смотрит на нее и молчит. Губы сжаты в прямую линию.

Но стоит двери кабинета закрыться, как она начинает считать.

- Раз, два, три, четыре! Вверх, Шлауссен, вверх, сучка!

Сыграно мастерски, что уж там. Забрать у принцессы корону и отдать ее фрейлине. Прислужнице. Шестерке.

Ни разу в жизни за все годы, что я была правой рукой Бет, я не видела, чтобы кто-то осмелился бросить ей вызов. Она любого могла уничтожить: пущенным на «Фейсбуке» слухом, отфотошопленной картинкой (разожравшаяся за весенние каникулы Рири), украденной эсэмэской, разосланной всей школе. Но на этот раз все было по-другому.

По-другому, потому что никому никогда не приходило в голову унижить ее, и никто из нас не осмеливался сделать это. Тренерша сделала это за нас.

Похоже, воля у нее такая же железная, как и у Бет.

Глядя на Тейси, на ее расцарапанные лодыжки и длинный синяк, который вот-вот расцветет на плече буйным цветом, мы понимаем, что только что произошло.

Почему именно Тейси суждено в эту субботу взлететь и с головокружительной, но тщательно рассчитанной скоростью приземлиться в «колыбельку» из наших дрожащих рук. Рук, ослабевших после десяти часов на одном чае для похудения и сельдерейных черешках.

Потому что тренер видит Бет насквозь и знает, что должна свергнуть ее с пьедестала.

А Тейси?

Тейси всего лишь пешка.

Два дня до матча, и мы тренируемся с таким остервенением, будто от этого зависит жизнь Тейси. Впрочем, так оно и есть.

Я – передний споттер. По словам тренера, силы мне не хватает, зато сноровка хоть куда.

Начинаем с простого подброса: никаких кувырков, той-тачей и шпагатов. Мы всю неделю его тренировали и ни разу не промахнулись: руки крепко переплетаются, плечи – сталь, скрепляющая нашу страховочную «колыбельку», на которой стоят дрожащие ножки Тейси.

А потом наши руки превращаются в резину и подбрасывают ее трепещущее тело в воздух. Все взгляды на Тейси: мы обещаем, что будем ждать ее внизу. На ее лице паника, как у птенца, впервые вылетевшего из гнезда; она летит, летит, летит.

Если у кого-нибудь из нас соскользнет или дрогнет рука, если ее нога выгнется не в ту сторону, тело отклонится на сантиметр больше, чем нужно, она шмякнется на пол.

А когда мы пытаемся подбросить ее выше, падения становятся совсем неуклюжими. Она задевает нас: локоть в глаз, вывихнутый палец, ладонь, лихорадочно вцепившаяся мне в лицо.

Но я концентрируюсь на Тейси и не показываю страха. Так велела тренер. «Не дай ей увидеть, что боишься, иначе твой страх передастся и ей».

Тренер говорит, что можно упасть с трех с половиной метров и приземлиться на упругий пол спортивного зала в целостности и сохранности.

Она говорит так, зная, что в день матча Тейси будет летать не над спасительными матами, а над немилосердно твердым футбольным полем «Могавков».

- Шлауссен, – рявкает она, – ты должна захотеть. Если не хочешь, не делай.

И Тейси выпрямляется, в глазах загорается огонь, подбородок задирается выше, чем я когда-либо видела у этой овцы, у этой слабачки.

- Я хочу, тренер. Очень хочу.

Ох, Тейси. Заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет.

Даже не глядя на Бет, чувствую, что та закатывает глаза.

- Так и знала, что не стоило на нее время тратить, – бросает Бет.

В ответ я молчу. И смотрю в горящие глаза Тейси.

В пятницу вечером, ступив на припорошенное инеем поле «Могавков», мы только и можем думать о том, как черепушка Тейси изящно раскалывается надвое.

А две сучки из команды поддержки «Могавков» – самые тощие, с ногами-иголками – крутятся рядом и развлекают нас историями о нашем кровавом спорте. Охотничья байка, страшилка и дружеское предупреждение – три в одном.

- Вот только недавно, в этом году, девчонка стояла в базе, а новая флаерша разучивала винт[25 - Винт – прыжок с вращением вокруг своей оси.], – вещает блондиночка-«могавк», чавкая жвачкой. – И вот новенькая раскручивается, начинает махать ногами и выбивает дух из обеих баз. У одной лопнула губа, а второй порез на лице заклеивать пришлось. Тренерша все на видео записала и теперь крутит после каждого выступления.

– А я, когда делала фляк назад[26 - Фляк – прыжок назад, на руки, и обратно – с рук на ноги.], – подключается рыжая коротышка, – ударила Хизер в лицо и выбила ей зубы. Ужас, что было. Кровища, зубы во все стороны. Как же ужасно я себя потом чувствовала!

Такие истории рассказываешь взахлеб. Я-то знаю. Это так весело, как страшилки в лагере травить.

Тейси, однако, невесело. Ведь через сорок пять минут ей предстоит стоять на трехметровой высоте над полем, опираясь на руки двух худеньких девчонок, готовых подбросить ее вверх.

Тейси посерела и постепенно начинает зеленеть.

Подходит Бет. Смотрит на меня. Я знаю этот взгляд еще с тех времен, когда она была капитаном. Я киваю.

– Хватит, – прерываю их я. – Не знаю, как вы, крутые девки, но мы лучше перед матчем красоту наведем.

Но блондиночка-«могавк» вперилась в Тейси и, кажется, не намерена так легко ее отпустить.

– А у другой девчонки было точно такое телосложение, как у тебя. Она упала на брусья, круто упала. Вся голова была в крови, и она поехала в больницу. Там оказалось, что у нее кожа на голове лопнула и под кожей были видны розовые мозги. Скрепками скрепляли. И как мы ее ни уговаривали вернуться в команду, она ни за что не соглашалась. А сейчас вообще ничем не занимается.

– Шлауссен, – кричит Бет, подходя к нам вплотную, – тебя тренер зовет.

Тейси ускакивает, как кролик.

И на какое-то мгновение мне кажется, что все кончено. Но я оказываюсь не права.

Бет оглядывает «могавков».

– Как-то раз... – заводит она, и я понимаю, что у нее на уме – недаром она была капитаном. – Как-то раз я стояла на плечах у одной девки, поскользнулась и упала на спину плашмя.

Все из вежливости ахают.

– Треск был такой, что на школьной парковке слышали, – добавляю я.

– Первой мыслью было, – продолжает Бет, качая головой, – как я матери скажу?

Все понимающе кивают.

– Но мне повезло, – ее холодный взгляд заставляет долговязых «могавков» поежиться. – Я была парализована всего шесть недель. На голову надели такое металлическое кольцо со штырями, чтобы шею на месте удерживать. Называется «гало».

Мы с ней снова понимаем друг друга без слов, как в старые добрые времена – до появления тренерши, до прошлого лета.

Я протягиваю руку и слегка касаюсь кончиками пальцев ее волос.

– Врачи сказали, что упади она на сантиметр правее или левее, – говорю я, – то умерла бы.

– Но я не умерла, – подхватывает Бет. – И ничто не смогло помешать мне продолжить тренировки. У меня был клевый фиолетовый гипс. А тренер до сих пор говорит, что лучшего флаера в жизни не видела.

В лучах стадионных прожекторов мы поднимаем Тейси вверх. Ее лицо покраснелось, как мак, и выражает маниакальную решимость. Ее руки отпускают наши дрожащие плечи, и она взмывает вверх, расставляя ноги, прижимая руки к ушам и взлетая выше, чем я когда-либо видела.

Так высоко, что нас охватывает неконтролируемая дрожь, а руки, сложенные в «колыбельку», трепещут от изумления и страха.

Дрожь пробирает меня до костей, и я чувствую, как моя левая рука слабеет, совсем чуть-чуть. Меня начинает трясти, и лишь благодаря Рири, почувствовавшей мою слабость и бросившей на меня испуганный взгляд, мне удастся снова собраться и взять под контроль свою кровь, мышцы и все свое тело.

И я снова становлюсь кремнем и железом ради Тейси, которая, кажется, в воздухе уже несколько минут, а может, часов – лучезарное создание с белыми волосами, взметнувшимися, как крыло. Наконец она падает нам на руки; она в безопасности, и радости ее нет предела.

Несколько часов спустя мы сидим в машине отца Эмили и прихлебываем ежевичный ликер, который стащили из гаража Рири – у ее брата там заправка.

Мы ждем на парковке у тату-салона; его неоновая вывеска навеивает ассоциации с чем-то запретным, с хаосом, а ликер почти нестерпимо щиплет наши рты и желудки.

Раньше мы никогда не были на Хабер-Роуд, за исключением того раза, когда отправились с сестрицей Рири в гинекологическую клинику за офлоксацином [27 - Офлоксацин – антибиотик, используется при лечении урогенитальных инфекций.]. Потом она рассказывала, как ее чуть не вырвало, когда ей в глотку сунули огромную ватную палочку, чтобы взять мазок. Но это все равно было лучше, чем то, что совал ей в глотку Тим Мартинсон.

Тогда мы смеялись, хотя на самом деле ничего смешного не было и никому из нас не хотелось оказаться на ее месте в клинике, за тонированными стеклами во всю стену, под жужжащими флуоресцентными лампами, напротив девчонки за стойкой в приемной, тихонько мурлыкающей себе под нос слова последнего клубного хита.

Проходит час, и вот Тейси наконец выходит из салона, приспуская джинсы пониже, чтобы все мы могли увидеть орла – эмблему команды «Саттон-Гроув». Я чуть не лопаюсь от зависти.

Тренер с нами не пошла, хотя мы просили. Но втихаря сунула Тейси сорок баксов на татуировку. Две хрустящие двадцатки, зажатые в дрожащей ладони нашего нового флаера.

Мы в жизни не слышали, чтобы тренеры делали что-то подобное.

Просовывая пальцы под бинт на пояснице Тейси, я трогаю воспаленный контур, и Тейси морщится от боли и удовольствия.

Я, я, я, это должна быть я.

Глава 7

Пятая неделя

– До меня дошли кое-какие слухи о мисс Колетт Френч, – заявляет Бет. – У меня, знаешь ли, есть связи.

– Бет, – осаживаю ее я. Мне знаком этот тон. Я знаю, так все и начинается.

– Пока у меня на нее ничего нет, – предупреждает она. – Но будь готова.

Как заноза, тихонько проскальзывающая под ноготь. Я чувствую: что-то созревает.

Одно успокаивает: Бет быстро наскучивают ее затеи.

Вскоре, к своей радости, узнаю, что Бет, кажется, нашла, чем заняться. Точнее, кем.

В понедельник утром в коридоре первого этажа у кабинетов английского появляется стол.

Плакат бьет по глазам красным; колышется флаг с эмблемой.

Ступи на дорогу чести.

Армейским рекрутерам нужна наша свежая, здоровая подростковая кровь.

- Да кому нужен этот чирлидинг? - бросает Бет. - Я записываюсь.

Они и в прошлом году приходили. Всегда присылают самых широкоплечих и голубоглазых, с крепкими, как дубовые стволы, руками и звучными голосами, слышными в самом конце коридора.

Но на этот год прислали сержанта Уилла - совсем другого поля ягоду. С квадратной челюстью и гладкой прической, разделенной четким пробором, он красив, но не той красотой, к которой мы привыкли. Это взрослый мужчина - мужчина из реальной жизни.

При взгляде на сержанта у нас дрожат коленки. Жесткость и мягкость, гранитный профиль и нежные губы, лучистые морщинки вокруг глаз - глаз, которые, кажется, видят то, чего не видим мы, щурясь под светом флуоресцентных ламп. Он словно замечает то, что ускользает от нашего внимания, и это заставляет его глубоко задуматься.

Он старше тех, кого мы привыкли видеть - ему, наверное, года тридцать два. И он мужественней всех, кого мы знаем, всех, кого когда-либо знали.

Перед тренировкой или в обеденный перерыв девчонки крутятся рядом и листают брошюры. «Расправьте крылья», - призывают те.

Рири недавно рассталась с католиком Патриком и так и вьется у стола, склоняется над ним, прижимая руки к бокам так, чтобы между грудями появилась ложбинка. Она проводит стопой по лодыжке другой ноги - говорит, мужчинам это нравится.

– А по мне так им нравится, когда я задираю юбку выше головы, – замечает Бет. Мы сидим на полу у ее шкафчика. – Попробуй как-нибудь.

– Может, тебе пора попробовать что-нибудь новенькое? – зевает Рири, не сводя с сержанта Уилла горящего взора. – Это сработало с учителем физкультуры в восьмом классе, но не факт, что подействует на универсального солдата.

Тут-то все и начинается. Бет встает, словно поднимая брошенную перчатку, и спрашивает у Рири, не хочет ли она поспорить, кто кого.

По лицу Рири я вижу, что она совсем не хочет, но вызов брошен. Это как в вестерне; над «Саттон-Гроув» взошло полуденное солнце. Звезда шерифа позвякивает у Бет на груди.

А по мне так пусть лучше она сцепится с пустышкой Рири, чем с тренершей.

Обычно Бет ни перед кем не расстиляется, но если это случается, она становится звездой, новостью номер один. Так было с Беном Траммелом или в тот раз, когда все видели их с Майком Ласаллем в зарослях остролиста после матча. Черное дерево и слоновая кость. Колючие листья, приставшие к рукавам его спортивной куртки; покрасневшая шея.

Об этом говорили все, кому не лень, но лишь я одна видела ее после. Ее лицо искажала боль, словно она не понимала, зачем это сделала; в глазах была паника, как будто ее пронзило стрелой.

Мы продолжали закидывать удочки – по крайней мере, я. Тренер, а где вы живете? Нам бы так хотелось познакомиться с малышкой Кейтлин.

Тренер, покажите, покажите! Впустите нас.

Мы и не думали, что она согласится. Пять недель пытались ее умаслить. Я мечтала об этом, проезжая мимо ее дома, как влюбленный мальчишка.

В следующую субботу матч был на нашем поле, и Тейси исполнила «баскет-тосс» так, будто делала его всю жизнь. А еще добавила той-тач, и мы сделали

«висячую пирамиду». Эмили и Тейси качались на руках Рири, как на качелях; толпа вконец обезумела.

Какое чувство легкости нам это внушало! На парковке после выступления мы чувствовали себя так хорошо, словно нам под силу было уничтожить вторгнувшуюся армию противника, дойти до региональных соревнований, до уровня штата.

Бет зажала между пальцев тоненькую бутылочкупряного рома, которую раздобыла у какого-то парня из «Норсменов». Парень хочет праздновать с нами и обещает, что в квартире у его дяди на Фар-Ридж будет очень весело.

Ради таких безумных ночей мы готовы бесконечно изворачиваться, выстраивать самые сложные пирамиды лжи, подкупать обещаниями, звонить домой по очереди, обеспечивая себе прочнейшее алиби, к которому никто из родителей в жизни не подкопается.

В такие ночи Бет – наш темный предводитель: она всегда знает, у кого дома тайная вечеринка, или ведет нас в бар, где охранником работает знакомый ее брата, или в клуб у шоссе, где собираются ребята из колледжа, где никто ни у кого не просит удостоверение, пол липкий от пива, а парни только рады девчонкам вроде нас, потому что мы не задаем вопросов.

Но вот мы сгрудились вокруг машины Бет; я поглаживаю чужую бутылку, губы потемнели от гвоздики, щеки покраснелись от рома, и мимо проходит тренерша, громко звякая ключами.

– Домой, тренер? – спрашивает Эмили, отчаянно вихляя исхудавшими от мочегонных чаев бедрами под орущую из динамиков музыку.

Мы таращим глаза от пиратской дерзости Эмили. Головка Тейси появляется у нее из-за плеча, как голова попугая.

Тренерша улыбается краешком губ; она задумалась, а взгляд скользит мимо и упирается в темную рощу вокруг парковки.

– Может, поедем ко мне? – вдруг предлагает она. – Поехали в гости.

- Чую мерзкий запах подлизы, - говорит Бет.

Она не хочет ехать в гости к тренерше. Мы смотрим на нее и не понимаем.

- Я не обязана угождать ей, чтобы она могла почувствовать себя нужной.

Стоя в коридоре, мы ждем, пока тренер отправит домой няню - пожилую женщину по имени Барбара в персиковом вязаном свитере до колен.

Нам разрешают заглянуть в спальню, посмотреть на маленькую Кейтлин. Та крепко спит. Комната в нежно-розовых тонах, крутящийся ночник проецирует на стены изящные фигурки балерин.

У Кейтлин золотистые локоны; она спит под розовым клетчатым одеялом с кружевной каемкой, продев в прорезь кружева розовый пальчик.

У нее легкое быстрое дыхание; мы слышим его даже с порога, Эмили и я - мы вдвоем вызвались посмотреть. Мы смотрим на ребенка, ее мягкие курчавые волосики, видим умиротворение на румянном лице, и думаем о том, что такое покой и знали ли мы его когда-нибудь.

Потом мы садимся за домом на террасе - я, Рири, Эмили и осмелевшая Тейси - трусливый кролик, которого мы раньше игнорировали, но теперь гордо держим при себе. Наш отважный новобранец, взмывающая ввысь ракета.

Грея замерзшие руки под куртками, сначала мы чувствуем себя, как на уроке, и сидим, плотно сжав колени и выпрямив спины, а разговариваем легким полусшепотом. Расспрашиваем о доме, о Кейтлин, о Мэтте - муже тренера.

Мы сидим на длинных скамьях, которые стоят по обе стороны террасы. На улице холодает. Тренер лежит в шезлонге, засунув руки в карманы куртки, и я вижу, что она постепенно расслабляется. Волосы разметались по тиковым планкам, а с лица медленно стирается школьный день с его распорядком, целями, напряжением.

Все происходящее кажется таким важным.

Как-то раз у нас с Бет тоже был такой вечер – накануне восьмого класса. Мы до крови порезали ладони швейцарским ножом и крепко сжали друг другу руки. Позднее Бет призналась, что почувствовала, как мое сердце билось в наших ладонях. Она клялась, что так и было. В тот момент что-то промелькнуло между нами – что-то, чему суждено было остаться навсегда. Мы больше не вспоминаем об этом, да и было все сто лет назад. Сколько битв с тех пор выиграно и проиграно.

А сейчас Бет здесь нет. Мы сидим на террасе и болтаем в гулкой ночи. Сперва робко, стесняясь, ни о чем – о кривоногом нападающем «могавков», о том, как директор Шихан разворачивается на одном каблуке, как барышня, о мучнистом печенье с шоколадной крошкой из столовки, в котором чувствуется тошнотворный привкус соды и сырых яиц.

Но постепенно темная ночь раскрывает свои объятия, и Рири заговаривает об отце, который съехал от них в прошлом месяце и плачет каждый раз, когда они говорят по телефону. Эмили показывает первое балетное па, которому она научилась, а Тейси признается, что никогда не чувствовала себя более прекрасной, чем тогда, когда впервые взлетела в воздух.

– А с парнем тоже себя так чувствуешь? – спрашивает она. – С мужчиной?

Мы все смотрим на тренера. Та улыбается, чуть не смеется, откидывается на спинку шезлонга и кладет ногу на ногу.

– Девочки, – произносит она легко и живо, голосом, который от нее редко услышишь, – вы даже не представляете, что можно почувствовать с мужчиной. Это может быть так прекрасно.

Тейси улыбается. Мы тоже.

– Но и ужасно, – добавляет тренерша и понижает голос. – Но это ужасное... знаете, оно тоже прекрасно.

Тейси ставит стопы на подножку ее шезлонга.

– Как ужасное может быть прекрасным? – спрашивает она, и я вздрагиваю. Я-то знаю, что все прекрасное – прекрасно и ужасно одновременно. Уж не знаю, откуда мне это известно, но я уверена, что это так.

– Вы пока плохо понимаете, что прекрасно, – говорит тренер еще тише, а лицо ее становится серьезнее. – А что ужасно.

В тот момент между нами возникает такая близость, будто мы подсоединены к одному гудящему проводу, и никто не решается произнести ни слова из опаски, что провод оборвется и гул затихнет.

Уже очень поздно, и Рири достает из кармана поллитровую бутылку. Водка «Смирнофф» – для тех, кто хочет напиться в хлам.

Для Рири это дерзкий поступок, но Бет рядом нет, и кто-то должен занять ее место.

– Давайте по глоточку, – говорит она, встает и разводит руки в стороны, словно желая подчеркнуть торжественность момента. – В честь команды, а главное – тренера, которая помогла нам стать...

Она замолкает и оглядывается. Мы смотрим на нее в нервном ожидании. На нее и на тренершу, которая так и не пошевельнулась – лежит, развалившись в шезлонге, и неотрывно смотрит на Рири, будто обдумывая что-то.

– За тренера, – произносит Рири более уверенно, – которая помогла нам стать настоящими женщинами.

Настоящими женщинами.

И это из уст Рири, от которой прежде я слышала одну только пустую трескотню.

Я вдруг встаю и даже приподнимаюсь на цыпочки, вытягивая руку, будто в ней – бокал или даже целая запотевшая бутылка с шампанским.

Эмили и Тейси поднимаются следом, и вот мы все стоим и смотрим на тренера сверху вниз, а та приподнимает подбородок, словно королева, приветствующая своих подданных.

Рири делает маленький глоточек и мотает головой, когда алкоголь грубо, бесцеремонно обжигает ей горло. Мы следуем ее примеру. Я чувствую, как внутри разливается тепло и по телу бежит огонь.

А потом протягиваю бутылку тренеру. Рука немного дрожит: я не знаю, как она поступит. Удалось ли нам включить ее в наш круг, приобщить к заговору, в котором все мы хотим участвовать?

Она спокойно протягивает руку и, не колеблясь, берет бутылку.

Крепко сжав ее, подносит ко рту, запрокидывает и пьет.

Согревшимися пальцами мы передаем бутылку из рук в руки, пока не допиваем ее до дна. Мои глаза слезятся, тело пылает и наливается силой.

Эмили и Тейси едут домой, а Рири пишет сообщение своему новому парню, который ничем не отличается от прежнего – кажется, это вообще его брат. А мы с тренером идем в дом.

– Хэнлон... Эдди, – говорит она. Проходя мимо кухонного островка, мы берем по яблоку из большой деревянной вазы. – Зови меня Колетт. Как и положено собутыльникам.

Она отрывает кисточку винограда от большой грозди, и мы лопаем ягоды. Мне устраивают экскурсию по дому.

Ее глаза чуть затуманились, у нас обеих немного кружится голова, и я роняю виноградину на ковер, наступаю на нее, а потом четыре раза извиняюсь.

– К черту ее, – бросает тренер... Колетт. – Думаешь, мне не плевать на этот ковер?

Мы сидим на нем на коленях. Он шерстяной, изумрудно-зеленый, как лесная чаща.

– Ковер должен быть тяжелым, – объясняет она. – Мэтт говорит – не меньше девяти килограммов на квадратный метр. И не меньше двух-трех узелков на сантиметр. Он это в интернете прочитал.

– Красивый, – отвечаю я и понимаю, что никогда раньше так пристально не разглядывала ковры. Но сейчас прямо не могу оторваться, чувствую его ворс под коленями, зарываюсь в него пальцами.

– Эдди, – она помогает мне подняться и тащит в другую комнату, – видела бы ты нашу свадьбу! У нас был фонтан, наполненный розовыми лепестками. Арфистка. Подсветка на каждом столе.

Многое из этого было им не по карману, но Мэтт стал больше работать, и в итоге заработал на свадьбу.

Пять-шесть дней в неделю он уходил на работу в пять утра, а возвращался в десять вечера. Ему хотелось дарить ей подарки. Хотелось, чтобы у нее было все, что она пожелает. Она не знала, чего хотеть, но вырезала из журналов картинки и складывала их в альбом. Альбом назывался «Моя свадьба».

– Мне только что исполнился двадцать один год, – вспоминает она. – Что я могла знать?

Я киваю, киваю, киваю в ответ.

– Потом он нашел этот дом, – продолжает она, озираясь, моргая, будто видит его впервые. Будто никогда здесь прежде не была.

Так в двадцать два года у нее появился дом. И его нужно было чем-то наполнить.

Он сказал: «покупай, что хочешь». И она снова стала вырезать картинки. Сделала большой коллаж под названием «Мой дом». Он увидел его и осуществил ее мечту – купил все, что только смог.

– Он очень работающий, – рассказывает она. – Весь день подсчитывает цифры. А дома вечно сидит с ноутбуком, и на экране длинные колонки цифр – они вспыхивают и мигают. Вспыхивают и мигают.

Она проводит рукой по янтарно-желтому плиссированному абажуру.

– И это ради меня, Эдди, – говорит она. Тон, с каким она произносит эту фразу, не соответствует смыслу ее слов. Она говорит так, будто все это лежит на ней свинцовым грузом.

У меня в голове туман, водка плещется в желудке.

Но я не настолько пьяна, чтобы не видеть, что этот дом такой же, как все наши дома. Может, не такой красивый, как у Эмили, где все белое и ни на чем нельзя сидеть, но точно лучше, чем у Рири – у той коричневые пятна на потолке и ковровин от плитуса до плитуса.

Однако при взгляде на тренера – то есть, на Колетт – которая мягко ступает по ковру и тихо говорит, мне начинает казаться, будто весь дом лучится, как вращающийся ночник в комнате малышки Кейтлин, отбрасывающий на стены зачарованные тени.

– Красота, – повторяю я, взявшись за гардинный шнур. – Красота.

Мне хочется повторять это слово снова и снова.

– Красота, красота, – нараспев повторяет она. Мы переходим из комнаты в комнату, и я касаюсь всего, что попадается мне на пути.

– А вот последняя, – произносит она, и мои стопы погружаются в мягкий и пушистый ковер на полу спальни. Комната в карамельных тонах похожа на номер в отеле. Безликая обстановка успокаивает.

Но потом я думаю о том, как она, тренер – то есть Колетт – выбирала все это: образцы тканей и плитки, бесконечные толстые каталоги, что разложены веером на столиках белоснежных бутиков на Ханикатт-Драйв. От разлапистой кованой люстры с подсвечниками, горящей под самым потолком, до прозрачных занавесок, ниспадающих мягкими складками и запутавшихся в ветках хлорофитума. Здесь все цепляется одно за другое.

Она придумала эту комнату, а он воплотил ее в реальность.

И комната начинает казаться чем-то большим, чем есть, увеличивается на глазах. Все словно начинает пульсировать; мне кажется, что если я прислонюсь лбом к стене, то услышу, как внутри нее бьется сердце.

– Спальня мне больше всего понравилась, – говорю я.

Она смотрит на меня, словно успела забыть, как выглядит эта комната. Словно годами не замечала ее – с тех пор, как та была всего лишь картинкой в коллаже под названием «Мой дом».

Наши взгляды падают на постель, похожую на пирожное с кремом. Взбитая перина. Как у принцессы на горошине.

Она устало падает на кровать, и та проседает под ее весом; кремовые подушечки сползают к краям и падают на пол.

– Столько подушек, – вздыхает она. – Каждое утро раскладываю их на кровати. В шесть утра он уже в офисе, а я дома, раскладываю подушечки. Сколько же их тут.

Я делаю неуверенный шаг, и моя нога вязнет в одной из подушек. Никогда не видела их в таком количестве сразу. Они всех оттенков коричневого – от светло-медового до цвета цикория, который пьет за обедом училка французского.

Она берет мою руку и кладет ее на одеяло, мягкое, как воздух. Почувствуй, какое мягкое, словно зовет ее прикосновение. Потрогай.

– Приляг, – велит она. – Забирайся под одеяло.

Мои голые ноги в коконе тонкого, как паутинка, одеяла; так и хочется ими подрыгать. Ее кровать – одна огромная подушка с кремовой начинкой. Нет, с начинкой из воздуха. У меня в животе ухаает.

– Представь, что ты – это я, – говорит она. Ее почти не видно за горой подушек.

И я представляю.

Чувствую, как погружаюсь и падаю куда-то.

И становлюсь ею.

Теперь этот дом – мой, Мэтт Френч – мой муж, ради меня он целый день считает цифры и работает допоздна. Ради меня.

А я лежу здесь, у меня упругое идеальное тело, красивое идеальное лицо, и, казалось бы, что может быть не так со мной или с моей жизнью? И откуда взяться унынию, поселившемуся в самом сердце этого дома? Ах, Колетт, оно в твоём сердце. Уныние, и отчаяние, Колетт...

Шелк душит меня, как кляп, я чувствую его тяжесть и не могу дышать. Не могу дышать.

Все во мне меняется.

Я ведь уже давно жду, стою с протянутой рукой. Жду, когда же мне, девчонке, встретится кто-то, кто все изменит, заставит меня обрести стержень и увидеть смысл, которого раньше не было.

Как может только любовь.

В полдень у призывного стола разыгрывается спектакль.

Всю неделю Бет не сводила глаз с сержанта Уилла, намереваясь утереть нос Рири. Пари было таким: выигрывает та, кого сержант первую пощупает ниже пояса.

Бет расхаживает по школьным коридорам, как вооруженный бандит с Дикого Запада, бряцая шпорами на сапогах. Сапоги у нее выше колен, лакированные – такие нельзя носить с юбочкой от чирлидерской формы. Такие вообще нельзя носить.

Что до Рири – та задрала свою юбочку по самое не могу – пояс так высоко, что видно все, чем ее мама наградила. Эти две – просто ходячая бомба.

Но сержанта это не трогает. Девчонки расстилаются перед ним, а он и бровью не ведет. Улыбается, но это не то чтобы улыбка, а просто приподнятые уголки рта – так улыбаешься, когда знаешь, что за тобой наблюдают.

Кажется, что каждое движение их бедер его напрягает, словно на его плечи падает ноша, под которой он прогибается. И он перенаправляет тех, кто оказывает ему эти знаки внимания, к капралу или рядовому – к громилам с квадратными челюстями, что сидят рядом с ним, к тем, на кого мы и не думаем смотреть. У них россыпь прыщей на подбородке и набыченный взгляд, как у тех, кто лезет в драку после одной банки пива, толкает подружек на пьянках, ломает им ключицы, выбивает лопатки. Мы на них даже не смотрим. По крайней мере, я.

Хуже всех капрал Прайн – шкаф с квадратной, как ластик, головой. Несколько недель назад я видела, как он стоял у кабинета английского. Сквозь стекло на двери он смотрел прямо на меня, воспаленные от бритья щеки были покрыты красными пятнами. Я сделала вид, что не замечаю его, но потом он показал мне такое языком, что не заметить это было невозможно.

Вот сержант... этот пусть что угодно показывает. Но чем больше мы стараемся, тем меньше его интерес. Его мысли как будто совсем в другом месте – там, куда не пускают девчонок.

Даже Бет с ее уловками не в силах его спровоцировать.

Я не вижу, что она делает, но до меня доходят слухи. Как она повернулась, сверкнув трусиками в звездочку под взлетевшей юбкой. Но я не верю. «Ничем я не сверкала», – говорит она потом. Только поманила его пальцем, заставила приблизиться и спросила, можно ли потрогать его оружие.

Сержант даже глазом не моргнул.

Мало мне того, что я ежедневно лицезрею Рири с ее губками-вишенками, так теперь еще Бет, насупленная, лицо угрюмо, как под черной вуалью.

И ей есть из-за чего печалиться – сперва тренерша, теперь вот сержант.

Но она не гневается, не строит планов мести, а просто ходит тихо насупившись.

Она словно выжидает. И это-то меня и тревожит.

Примерно в то же время я впервые вижу мужа Колетт через полуоткрытую дверь кабинета. Он сидит над кипой бумаг, медленно развязывая галстук. Его внешность невозможно описать, настолько он неприметен.

В другой раз и во все последующие он присутствует лишь как упоминание. Мэтт дома. О, это Мэтт, наконец-то пришел. А, это доставили пиццу для Мэтта. Иногда она называет его просто «он». Он пришел, музыку включать нельзя, он дома. Да ты же знаешь его, он работает. Он всегда работает.

Он всегда висит на телефоне и всегда выглядит усталым. Пару раз видим его во дворе – он ходит по саду и говорит через гарнитуру. В другой день он сидит на табурете за кухонным столом; перед ним разложены таблицы, раскрытый ноутбук бросает на его лицо зеленоватый отблеск.

Он очень много работает и совершенно неинтересен.

Нет, может, конечно, и интересен, но Колетт никогда не выглядит заинтересованной. А когда он приходит, такое впечатление, что «папа дома». Папа из него неплохой, не из тех, что убивают все веселье – правда, тренерша с

его приходом как-то слегка притихает, что ли. Как-то раз он пытался расспросить нас о том, как мы выстраиваем наши пирамиды – в колледже на инженерном курсе он изучал настоящие пирамиды и ему было интересно узнать, похожи ли эти два процесса. Но мы не знали, что ему ответить, и повисла неловкая пауза. В конце концов тренерша, отводя взгляд, сказала, что мы устали, потому что весь вечер работали над хореографией.

– Человек боится времени, – проговорил он, улыбнувшись нам и вроде как пожелав спокойной ночи перед тем, как уйти в свой кабинет, – но время боится пирамид.

Однажды я прохожу мимо двери его кабинета и вижу его там; экран монитора мерцает и отражается в окне напротив. Я вижу, что он играет в «скрэббл» в интернете. И почему-то мне становится невыносимо грустно.

– Бет, да ладно тебе, пошли! Хоть раз сходи с нами.

Мы уговариваем ее уже три недели. Наконец, она соглашается, но как-то слишком легко; мне это не нравится.

– Что ж, посмотрим, чем вы там занимаетесь, – говорит она, и глаза ее вспыхивают. – Хочу увидеть своими глазами.

Три субботы подряд мы по-взрослому тусили в резиденции Френчей. Гриль зажжен, тренер подбрасывает лосося на кедровой доске. Мы никогда не ели ничего вкуснее, хоть и не ели толком, а лишь ковыряли, разделяя его на розовые волокна на тарелках. Нас больше интересовало щекочущее рот белое вино в изящных бокалах, которые мелодично звенели, стоило щелкнуть по ним ногтем.

Когда Бет приходит и окидывает все своим презрительным взглядом, обстановка сразу кажется менее приятной. Но вино выручает.

У нас выработался ритуал: мы с Эмили зажигаем свечи, керосиновые лампы, расписанные божьими коровками – Мэтт привез их из Южной Каролины – и высокий газовый фонарь, по словам тренерши, в точности как на пляжах на Бали, где, впрочем, она никогда не бывала, и никто из нас не был. Бет, мрачная,

с застывшим взглядом, говорит, что видела такие фонари на Мауи, а может, даже в Сан-Диего или в придорожном кафе на девятом шоссе.

Но в конце концов вино оказывает действие даже на Бет, и я счастлива видеть за столом, в свете свечей столько разруганных лиц.

Говорим в основном мы, о всякой ерунде, а тренерша молчит с застывшей на лице полуулыбкой. Она слушает, а наша болтовня становится все откровеннее и вульгарнее. Ох, Рири, может, когда-нибудь ты и встретишь парня, который полюбит тебя не только за то, что у тебя рот открывается шире, чем у остальных. А ты, Эмили – шесть недель на капустном бульоне и заменителе сахара, и живот у тебя, конечно, подтянулся, но эти круглые щеки... чтобы избавиться от них, нужны по меньшей мере молоток и резец.

Когда Мэтт – часам к одиннадцати – приходит домой, мы пьяны в стельку, а тренерша – слегка: лицо разругалось, язык немного заплетается. И вот Рири снимает майку и начинает бегать по двору, крича в кусты – парни, где вы? А тренерша смеется и говорит, что пора нам, девочкам, познакомиться с настоящим мужчиной. Тогда-то мы и видим его: он стоит за кухонным столом, и нам это кажется просто уморительным. Вот только Мэтт Френч совсем другого мнения: он выглядит усталым, открывает ноутбук и просит нас вести себя потише (а это, конечно же, невозможно).

Бет все время повторяет, что совсем не пьяна; впрочем, она никогда не признается, что пьяна. Она заговаривает с Мэттом, расспрашивает его о работе – нравится ли она ему, долго ли до нее добираться. Прижав к бокам локти, она стискивает груди и облокачивается о стол, крутит туда-сюда колесико на мышке.

Он, нахмурившись, смотрит на нее – меня трогает его сердитый вид – и спрашивает, знают ли ее родители, где она бродит так поздно.

Поверх плеча Бет он бросает взгляд на тренершу, и та наконец говорит, что отвезет нас домой, а Эмили и Бет могут забрать свои машины завтра.

Мы выходим из дома, и оглянувшись, я вижу на его лице тревогу – как у моего отца много лет назад, – сейчас-то ему все равно. Тогда я училась в восьмом классе, и мы с Бет тоже уходили из дома, внезапно такие взрослые и

привлекательные, а он ничего не мог поделаться.

На следующий день я просыпаюсь с похмелья на угловом диване в гостиной у Бет. И первое, что вижу, открыв глаза – ее длинные волосы, свисающие надо мной. Она перегнулась через спинку дивана. Вчера ей, мол, было совсем скучно. Она брызжет ядом, а это всегда плохой знак.

– Сидит там в своем шезлонге, как на троне, – сипит она, охрипнув после вчерашнего. – Не понравилось мне там. И не нравится, как она себя ведет.

Голос у нее срывается, и я не понимаю – то ли она все еще пьяна, то ли я.

– Восседает выше всех, – фыркает она, – а вы коровьими глазами на нее уставились, как школьницы влюбленные.

Но мы и есть школьницы, думаю я.

– Ты всегда попадалась на такие уловки, Эдди, – замечает она. – Как прошлым летом.

Не хочу я, чтобы она снова вспоминала прошлое лето и нашу ссору в лагере, когда все думали, что мы с ней разругались. Потому что к нашим девчачьим посиделкам у тренера это не имеет никакого отношения.

– Я таких, как она, насквозь вижу, Аделаида.

Бет перепрыгивает через спинку дивана, устраивается рядом, свесив длинные ноги, и я делаю вид, что слушаю ее, но на самом деле не слушаю, потому что не нравятся мне эти нотки в ее голосе.

– Пусть наслаждается, пока может, – бурчит она, зарываясь лицом в подушку, зажатую у меня под мышкой, зарываясь в меня головой. – Через пару лет родит еще одного спиногрыза, и ее разнесет, как на дрожжах. Тогда ей только команду по хоккею на траве тренировать светит, и больше ничего.

Она запускает пальцы мне в волосы, утыкается в меня и в подушку и прячется там.

– И кому она тогда будет нужна? – спрашивает она. И сама отвечает: – Да никому из нас уж точно.

Глава 9

Наступает золотое время, неделя или две, когда Бет, кажется, успокаивается. Счастливые дни. В какой-то момент мне даже начинает казаться, что они всегда будут такими.

Неделя празднеств в честь бывших выпускников проходит блистательно, безукоризненно.

Почти весь школьный год остальные ученики смотрят на нас, как на покрытые глазурью леденцы, принцесс в коронах, храмовых шлюх, загорелых сучек с белоснежными зубами. Надменных богинь, не желающих якшаться с толпой.

Но нам все равно, ведь мы-то знаем, кто мы такие.

И в праздничную неделю бразды правления переходят к нам.

На собрании перед матчем все видят, насколько мы раскованные, дерзкие и крутые. Все видят, на что мы способны, что мы не бумажные куколки, а наш загар – броня.

Мы бросаем вызов всему, в том числе беспощадно твердому полу из кленовых досок, сколоченному полвека назад; мы возвышаемся над ним на высоте три с половиной метра, и наши тела складываются пополам, сгибаются, описывают дуги и летают в воздухе без страха.

В праздничную неделю даже те, кто питает к нам самую сильную антипатию – готы с разрисованными лицами, крысы-скейтеры, фрики неопределенного пола – с робким изумлением взирают на то, как мы запрыгиваем в висячую пирамиду на

школьном дворе. Наши тела – железные спицы громадного чертова колеса.

А во время матча, когда мы катапультируем Тейси в небо, толпа ошалело визжит, кажется, решив, что сейчас она непременно разобьется. Когда же она приземляется, их лица выражают восторг и шок.

Я стою на плечах у Минди и Кори и открываю матч; в руках у меня длинный шест с развевающимися лентами, а Тейси бежит рядом с ветродуем для листьев, который мы умыкнули у завхоза, и направляет поток воздуха мне на ленты. Те, как шутихи, взмывают ввысь.

Такого большого костра у нас еще никогда не было; крутящиеся факелы, круги света, ростовая кукла – символ «Рэттлеров» с поролоновыми зубами – взлетает среди пламени, раскачивается высоко над почерневшими концами наших палок. Мы орем до хрипоты, наши лица горят.

Мы роняем факелы и бежим по темному полю, а вдогонку летит голос тренерши: «Той-тач, смыкаем руки, летящий орел...»

Она стоит на краю поля и смотрит на нас; глаза мечутся от одного края пирамиды к другому, и она сияет.

Помню, лет в двенадцать я смотрела на выступление чирлидеров с трибун. Команда старшеклассниц выступала на фоне неистовых сполохов, взлетающих до самого неба. Фигурки исполняли безумные прыжки, скачки, бросали вызов смерти. Одна девчонка подняла жезл, укатившийся в горящую траву. Теперь я знаю, что жезл был обжигающе горячим – сама держала такой же. Но девчонка, схватившая его, улыбалась, танцевала и подпрыгивала выше всех.

А рядом сидела двенадцатилетняя Бет и шептала:

– Ты только посмотри! Только посмотри, – я так и слышу ее голос, тогда еще полный изумления.

Но после праздника мы сходим с тропы славы, и что-то меняется.

Взгляд тренера угрюм. Мы все это замечаем и строим гипотезы. Пытаемся списать все на послепраздничную депрессию, но мы, чирлидеры, таким не страдаем.

Однако на той неделе тренерша два раза отменяет тренировки. Решаем, что виной всему взрослые проблемы, которые нам нисколько не интересны. Выплаты по закладной, сломавшаяся посудомойка, протечка в подвале.

Но все задаются вопросом: что могло пойти не так в чудесной жизни тренерши, с ее прекрасным домом, гладкими волосами и кучей восторженных поклонниц у ног?

Но я-то знаю. Я-то знаю, пусть и не совсем понимаю, что именно, но знаю.

Недаром она никогда не смотрит Мэтту в глаза. Однажды вечером я видела, как он помогал ей разгружать посудомойку – она даже головы не повернула.

И еще я помню то, что я почувствовала тогда, под ее мягким одеялом – шелк, набившийся в рот, как кляп, чувство, что что-то давит на меня – на нее – так, что дышать невозможно.

В пятницу тренер не отменяет тренировку, но и не приходит.

– Может, у нее проблемы по женской части, – предполагает Рири. – У моей тетки Кейли такое по жизни. Она из-за этого иногда чуть не догола раздевается. Сидит на крыльце в одном лифчике и обтирается льдом.

– Да такое только у старух бывает, – говорит Бет. – Может, ей просто рожа твоя надоела. Что неудивительно.

У Эмили кружится голова – тренерша заставила ее перейти на сокоголодание, и она весь день сосет имбирную кожицу. Ей приходится прислоняться к стенке, чтобы не упасть.

– А ведь она обещала принести сегодня рецепт калиевого бульона, – шепчет Эмили. У нее больной вид.

И начинает рассказывать про бульон, загибая липкие от жвачки пальцы и перечисляя ингредиенты: чеснок, свекольная ботва, ботва репы, петрушка, семена красного перца. Бульон ощелачивает организм, и тогда...

Я киваю, а Эмили все щебечет и попискивает; ножки-прутики дрожат у стенки.

– Кто-нибудь, дайте ей «кит-кат» уже, ради Бога, – рычит Бет.

Я кидаю Эмили энергетический батончик, потому что мне тоже смотреть на нее тошно.

Мы наблюдаем, как она медленно жует, отламывая дрожащими пальчиками крохотные кусочки, а потом вдруг становится бледно-зеленой и выплевывает все обратно в обертку.

Бет откидывается на спинку длинной скамьи, вытягивает загорелую ножку и критично ее оглядывает.

– Лично меня тошнит от вас всех до единой, – заявляет она, закатив глаза. Теперь она все время ходит, закатив к небу глаза. – От всех тошнит. От всего.

Иногда ей удастся тронуть что-то такое, что находится глубоко внутри нас. Внутри меня, по крайней мере. У нее такой талант, хотя большинство этого не понимает. Кажется, что это она со зла, но на самом деле нет. Ведь меня тоже тошнит, тошнит, тошнит от всего этого. Это то, что ощущаешь постоянно, и постоянно борешься с этим. Жгучая тоска, как прыщ между глаз – набухший и болезненный, такой, что хочется биться головой о стену, лишь бы он поскорее лопнул.

Может, это то, что чувствует тренерша дома, рядом с Мэттом Френчем, разгружая посудомоечную машинку или умывая дочку?

– Хэнлон, – зовет Бет и вскакивает, – пошли отсюда.

Я смотрю на нее.

– Но если тренер придет...

И тут я понимаю, что эти слова чреватые: Бет стиснула зубы и вот-вот кинется на меня. Невольно вспомнился давний урок биологии: зубы крокодила постоянно обновляются и не перестают расти на протяжении всей жизни.

Я поднимаюсь и иду за ней.

Даже у нас, умудренных опытом старшеклассниц, которым все давно осточертело, гулкие пустые коридоры, которыми ты проходишь после уроков, вызывают странное чувство. И само школьное здание, в котором мы знаем все закоулки – ведь тут разворачиваются действия всех наших ночных кошмаров – воспринимается совсем иначе.

Дело не только в непривычной тишине и вязком запахе хлорки, пропитавшем каждый сантиметр исполосованного подошвами линолеума.

Днем мы как будто окружены силовым полем, мы под защитой друг друга – единый разноцветный вихрь. Мы не надменны, не чувствуем своего превосходства – мы просто отгорожены от всего мира. Да и кому на поле брани не захочется держаться ближе к братьям по оружию?

Но после трех часов все несчастные потоком выливаются на улицы, рассаживаются дома перед телевизорами или за столами залитых слепящим светом точек фаст-фуда по всему городу. И школа-после-школы становится местом незнакомым, диковинным.

То и дело изо всяких неожиданных закоулков возникают ученики, учителя. На лестничной площадке третьего этажа компания юных физиков рассчитывает скорость падения мяча-прыгуна; в лингвистической лаборатории ораторский клуб обсуждает смертную казнь, и участники дебатов пытаются перекричать друг друга; у кабинета труда (который теперь зовется «мастерской индустриального дизайна») ошиваются волосатые торчки с блаженно затуманенными взглядами. Из керамической мастерской выпархивает миссис Фаулер, удерживая в дрожащих руках высокий лакированный подсвечник.

А мы рыщем по коридорам, вынюхивая, выискивая, охотясь.

Мне хочется найти что-то, чем можно занять Бет. Ее лишили капитанской славы и войска, и сержант Уилл даже не смотрит на нее. Ей просто необходимо чем-то заняться. Унять закипающую злобу. Найти забытый косяк, застать выпускника и первокурсницу за грязными делишками в укромном углу. Его рука у нее под юбкой, на животе, с которого еще не сошел детский жирок; ее глаза расширены от страха и возбуждения, она ждет того самого момента, надеясь не упустить его, хотя он от нее ускользает.

Но вот мы уже на четвертом этаже и, кажется, начинаем отчаиваться. Бет бросает на меня умоляющие взгляды, бросает мне вызов: найди мне хоть что-то, какое-нибудь занятие. Любое.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Чирлидерская кричалка, имитирующая свист, взрыв хлопушки и последующее ликование толпы.

2

В «Энеиде» – верный друг Энея, сопровождавший героя во всех приключениях.

3

Клэп – хлопок в ладоши, при котором руки располагаются под подбородком, ладони выпрямлены и полностью касаются друг друга.

4

Той-тач – прыжок, при котором прямые ноги спортсмена поднимаются в стороны как можно выше, колени направлены вверх, руки разведены в стороны на уровне плеч.

5

Спуск – сход спортсмена на пол.

6

База – спортсмен, обеспечивающий основную поддержку, удерживающий вес напрямую и находящийся в контакте с соревновательной поверхностью (полом).

7

Стант – групповое упражнение, в котором участвуют от 2 до 5 человек, в ходе которого одного или нескольких членов команды поднимают, подбрасывают или поддерживают.

8

«Двойной крючок» (или «абстракт») – прыжок, при котором одна нога согнута в колене перед корпусом, другая согнута в колене и максимально отведена назад.

9

В некоторых школах ученикам дают специальные пропуски, удостоверяющие, что учащийся имеет право находиться вне класса во время урока (например, в коридоре).

10

В американских школах другая система нумерации классов, в старшей школе она начинается заново, с первого курса. Отсюда первокурсники, второкурсники и так далее.

11

Арабеск (фр. arabesque – буквально – арабский) – положение, при котором тяжесть тела переносится на одну ногу, а другая нога отводится вперед или назад.

12

Пирамида – два или более станта, соединенные между собой, а также любой стант в 3 уровня.

13

Флаер – «летающий», самый верхний человек в станте, пирамиде.

14

Теннисный браслет – тонкий браслет обычно золотой или платиновый, украшенный бриллиантами. Назван так после того, как американская теннисистка Крис Эверт потеряла подобный на корте и вынудила судью найти украшение, для чего потребовалось приостановить игру US Open в 1987 году.

15

Баскет-тосс – стант-бросок флаера вертикально вверх. Выполняется группой из 4–5 человек.

16

Согласно примете, ушастая сова является предвестником несчастья.

17

«Колыбелька» («креддл») – способ приема флаера, когда после броска (тосса) он падает в руки спортсменам, находящимся в базе, лицом вверх, принимая положение «пайк» (положение тела спортсмена, при котором он сгибается

вперед к вытянутым прямо ногам) и затем соскакивает на пол.

18

Горелка Бунзена – газовая горелка, применяющаяся для химических лабораторных работ, создана немецким химиком Робертом Бунзеном в 1857 году.

19

Аддералл – психический стимулятор, относящийся к фармакологической группе амфетаминов. Используется для лечения гиперактивности и синдрома дефицита внимания. Побочными действиями препарата являются отсутствие аппетита и потеря веса.

20

Баскет-тосс – стант-бросок из 4–5 человек, в котором руки боковых баз сцеплены и обязательно присутствие задней базы.

21

Стойка на спинах (tabletop) – пирамида, с одной или двумя базами в наклоне с прямой спиной, в которой флаер находится на их спинах. Стойка на бедрах – фигура, в которой две базы стоят, отведя одну ногу в сторону и согнув ее в колене так, что бедро оказывается параллельно полу, флаер становится на бедра спортсменов. Пирамида со шпагатами – спортсмены поднимают флаера,

сидящего на шпагате, на вытянутых руках. «Волчья стена» – пирамида, в которой спортсменки стоят на плечах друг у друга одной ногой, другая вытянута в сторону и касается других спортсменов.

22

Споттер – страхующий, участник команды, отвечающий за безопасность маунтера (спортсмена на среднем ярусе) или флаера; контролирует, но не участвует в построении пирамиды (станта); поддерживает визуальный контакт с маунтером/флаером и отвечает за их безопасный спуск.

23

Так (tuck) – прыжок, при котором колени прижаты к груди.

24

Пайк (pike) – прыжок, при котором спортсмен сгибается вперед к вытянутым прямо ногам.

25

Винт – прыжок с вращением вокруг своей оси.

26

Фляк – прыжок назад, на руки, и обратно – с рук на ноги.

27

Офлоксацин – антибиотик, используется при лечении урогенитальных инфекций.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ebbot_megan/kak-ty-smeesh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)